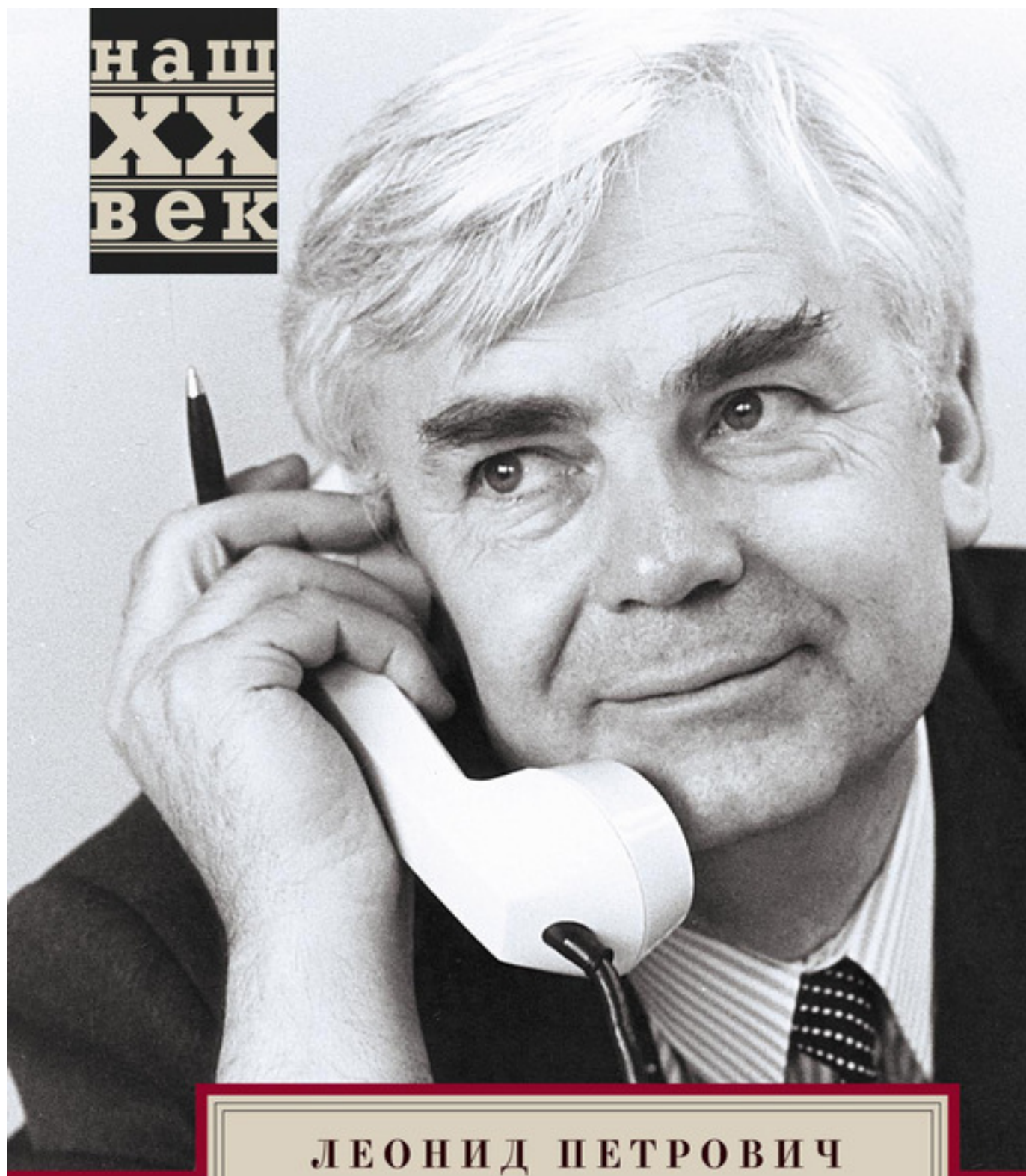

наш
XX
век

ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ

КРАВЧЕНКО

КАК Я БЫЛ ТЕЛЕВИЗИОННЫМ

Леонид Петрович Кравченко
Как я был телевизионным камикадзе
Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18396927
Как я был телевизионным камикадзе / Кравченко Л.П.: Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-05796-9

Аннотация

80-е годы... Начало эпохи гласности и демократизации. Первые телемосты с США, демонстрация «полочных» фильмов, рождение новых передач, появление новых ведущих. Хотелось смотреть все. Автор книги, легенда отечественной журналистики Леонид Петрович Кравченко, в то время руководил телевидением СССР. Эти годы он считает хоть и трудными, но самыми счастливыми и интересными в своей жизни. Ведь ему выпала историческая миссия – руководить нелегким процессом становления нового живого ТВ. О поражениях и победах, о том, что осталось за рамками телеэкрана, о закулисной борьбе за телеэфир двух главных политических фигур перестроечного десятилетия – Горбачева и Ельцина – он увлекательно рассказывает в своей книге.

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Леонид Кравченко

Как я был телевизионным камикадзе

Издательство благодарит Антона Ореха за помощь в издании книги

От автора

Перелистывая свой фотоальбом, я всякий раз задерживаю взгляд на этой фотографии. Судьба свела меня с человеком, который, занимая самые высокие посты в Советском Союзе, стал не только выдающимся реформатором общественно-политической жизни страны, но и одним из главных разрушителей великой державы.

Наше общение с Михаилом Сергеевичем Горбачевым начиная с 1985 года, в бытность мою руководителем Центрального телевидения, а затем генеральным директором ТАСС и председателем Гостелерадио СССР, было очень тесным, порою каждодневным. Я очень близко знал этого яркого, неординарного политика, которому искренне благодарен за возможность свободно, без оглядок на «верхи», творить на телевидении. Он запретил всем, включая правительство, вмешиваться по мелочам и опекать меня на посту руководителя телевидения и радиовещания страны. Во многом благодаря этому нам удалось создать знаменитые телемосты, популярные программы «Взгляд», «До и после полуночи», «12-й этаж», «Телеутро», «Встречи в Останкинской студии», «Прожектор перестройки», «Проблемы, поиски, решения», в которых в прямом эфире отчитывались перед народом министры правительства. Радовались люди новым программам «Играй, гармонь!», «Шире круг», песенным конкурсам. И даже глухонемые получили свой эфир.

Но счет истории суров. Крупные ошибки, допущенные Михаилом Горбачевым в ходе перестройки, неизбежно привели к августовским событиям 1991 года, а меня, как и миллионы других людей в стране, сделали заложником этих событий.

Глава 1

Телевидение подросткового периода

Так случилось, что в мае 1967 года меня неожиданно пригласил на беседу в Шаболовский телецентр знаменитый человек – Николай Петрович Мушников. Заочно я знал о нем как об организаторе первых телевизионных новостей на советском телевидении. Еще в 1956 году ему поручили создать редакцию «Последних известий». Ему же доверили в 1957 году освещать Московский международный молодежный фестиваль. Всего лишь с двумя передвижными телестанциями и относительно небольшой группой теле- и кинооператоров телевизионщики умудрялись творить чудеса. А еще раньше, в мае 1956 года, Николай Петрович Мушников сумел при той же скудной технике провести первую в нашей истории телевизионную трансляцию военного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади. По тем временам это было фантастикой.

В конце 1960 года Николаю Петровичу доверили создать московский канал телевидения. Именно так называлось тогда творческое объединение «Главная редакция передач для Москвы». И вот 16 января 1961 года по второму каналу вышел новый телевизионный выпуск «Московских новостей». Но работников у Николая Петровича катастрофически не хватало. И понадобилось новое решение. Тогдашний председатель Госкомитета по радиовещанию и телевидению Сергей Кафтанов дал особое поручение главному редактору общественно-политических программ Константину Степановичу Кузакову выделить из своих рядов группу квалифицированных журналистов для московской редакции.

Дело оказалось непростым. Лишних людей не было и у Константина Кузакова. К тому же Константин Степанович был человеком с тяжелым норовом – как у отца. А между тем отцом его был, страшно сказать, сам Иосиф Сталин. Кузаков был внебрачным сыном вождя, рожденным в сибирской ссылке. Это официально знали и в ЦК партии, где, кстати, ряд лет Константин Кузаков руководил даже идеологическим управлением. Сам он родством со Сталиным никогда не бравировал, но держался всегда с достоинством, а главное – отличался глубоким аналитическим умом, взвешенностью решений и твердым неуступчивым характером. Так что выпросить у него кадровые единицы для Мушникова было архисложно. Борьба шла за каждого человека. Но тут вмешался Московский горком партии, и Константину Кузакову пришлось примириться с потерей нескольких своих «бойцов».

Ядро московской редакции составили В. Козловский, позднее руководивший Главной редакцией литературно-драматических передач Центрального телевидения, В. Стрельников, А. Вороткова, Э. Свердлова – дочь Якова Свердлова, П. Доброхотов, Г. Боровик – будущая жена Генриха Боровика, И. Казакова – дочь советского посла, режиссеры Н. Колчицкая и Т. Кравченко. Люди, надо сказать, талантливые, они оставили яркий след в истории тележурналистики.

Руководителем же последних известий ЦТ, тут же переименованных в «Телевизионные новости», на первом канале стал знаменитый Юрий Фокин, о котором разговор будет особый.

Итак, с легким трепетом я вошел в крошечный по размерам кабинет Николая Петровича Мушникова, пригласившего меня на смотрины. Взглянув на Николая Мушникова, я впал в смятение. Со мной мягко поздоровался человек с изувеченным тяжелым ранением лицом. На месте правой стороны черепа – огромная вмятина, глубоко запавший невидящий глаз. Он заметил мое смущение и легким жестом руки, указывая на лицо, заметил: «Страшный след войны». Но потом улыбнулся: «Правда, голова работает исправно, иногда лишь по погоде мучают боли...»

Уже через минуту смущение прошло. На меня смотрел доброжелательный человек, который не скрывал, что пристально изучает собеседника. Признался, что ему порекомендовали меня. С легкой, чуть ироничной улыбкой сказал: «Говорят, что вы молодой, но уже талантливый, работающий и надежный...»

Перед Николаем Мушниковым лежали вырезки моих публикаций из «Строительной газеты». «Вот внимательно ознакомился с некоторыми вашими статьями. Особо обратил внимание на репортажи по строительству Останкинского телецентра. Понравилось...»

После небольшой паузы спросил: «А вас не тянет на телевидение?» Я признался, что равнодушен к телевидению и даже успел два раза выступить на московском канале с рассказами о крупных новостройках.

— Знаю и об этом, — уточнил Мушников. — Но работа у нас адская — день и ночь и нередко без выходных. Не хватает кадров, но самое поганое — дефицит всего. Не хватает пленок, камер, осветительной аппаратуры. Выкручиваемся за счет кинолюбителей, фотографов и устной оперативной информации. Так что к нам идти — как на добровольную каторгу...

На первой же беседе Николай Петрович показал мне объемную картотеку, где выстроилась целая вереница карточек в алфавитном порядке.

— Это мой кадровый резерв. Вот и на вас личная карточка уже имеется. — И он предъявил мне на картонном бланке мое коротенькое досье.

По всему чувствовалось, что Николай Петрович мне симпатизировал. И он предложил: «Давайте посмотрим редакцию». Рядом с его маленькими кабинетом было помещение, забитое столами. «Это служба новостей», — отрекомендовал он работников, едва вмещавшихся за столами. Потом отправились посмотреть маленькую монтажную и поднялись на второй этаж. Там кабинет был посolidнее, но за каждым из шести столов числилось по три-четыре «творца». Это был отдел тематических передач. Он выпускал уже ставшие популярными телеобозрения «Москва и москвичи», «Москва вчера, сегодня, завтра», сатирический тележурнал «Глаз за глаз...».

Потом Н. Мушников подвел меня к свободному столу и сказал: «А вот это стол моего первого заместителя. Присматривайтесь. Возможно, это будет ваш стол».

Беседа позже продолжилась. Мою кандидатуру утвердили на коллегии Госкомитета и в Московском горкоме партии. Так в июне 1967 года началась моя телевизионная биография.

К великому сожалению, мне не посчастливилось долго поработать вместе с Николаем Петровичем Мушниковым. Вскоре он тяжело заболел и через семь месяцев умер. Для всего телевидения и для меня лично это было тяжелейшей утратой. К тому же все тяготы руководства редакцией легли на мои плечи.

Такого адского творческого напряжения никогда не сваливалось на меня. Работал в каком-то угаре. И тем не менее это время до сих пор вспоминаю как великую школу телепознания, где всему пришлось быстро учиться: сценарному делу, режиссуре, монтажу, организации репетиций и даже неоднократно выступать в роли ведущего передач.

Во всех редакциях на Шаболовке теснотища была невероятная. Пройдет еще полтора года, и состоится великий переезд в Останкино. Но тогда, в 1967 году, телевизионщики сидели, как говорится, друг у друга на голове. На одну творческую группу приходился один стол. За ним сидел телевизионный редактор, а при нем еще значились режиссер, его ассистент, помощник и даже сценарист. Вместе собирались где придется: в коридорах, буфете, на дому, летом — в парках и т. д. Полностью редакцию можно было лицезреть лишь в дни зарплат.

Эта работа «на бегу», «на скаку» накладывала на готовящиеся передачи отпечаток поспешности, торопливости. И тем не менее очень мало было среди нас равнодушных. Почти у каждого горели глаза, затевались бурные споры, дискуссии. Шел непрерывный поиск новых передач, новых форм, неожиданных телевизионных ходов и открытий.

Сегодняшние молодые режиссеры, их ассистенты, редакторы, репортеры, телеведущие, монтажеры и представить себе не смогут, что в те далекие годы не было, например, «синхронных камер». Нынешние «бетакамы» и прочие репортерские камеры, которые не только снимают, но и одновременно пишут звук, нам тогда и не снились. Представьте себе: кто-то дает интервью, камера его снимает, а звук через микрофон пишется отдельно. При монтаже видеоряд и звуковая дорожка этого интервью совпадали не более чем на две минуты! Дальше синхронизация разрушалась и артикуляция говорящего начинала не совпадать с видео. Поэтому съемку приходилось останавливать, делать монтажные «перебивки», чтобы снова на те же две минуты синхронизировать видеоряд и звук.

С ужасом вспоминаю монтажные столы, которые были изношены и оставляли царапины на видеопленке. Получался брак неисправимый, и, чтобы выдать передачу в эфир, руководители редакции писали рапортчики в телецентр о том, что брак они берут на себя. Технические службы телецентра таким вот образом сохраняли себе премии, перекладывая ответственность за плохое состояние техники, ее изношенность на плечи творческих работников.

Компьютерной техники не было и в помине, поэтому все титры, начиная от названия передачи и кончая фамилиями ее создателей, писались вручную художниками-текстовиками на планшетах. В студии на двух пюпитрах помощник режиссера выставлял в строгой последовательности эти титры, заставки и по команде в нужный момент ловко убирал их из эфира. Правда, не всегда удавалось сделать это быстро, и тогда телезрители неожиданно видели в эфире, как чья-то рука убирает на их глазах эти самые титры. А случалось и так, что в титрах художники делали орфографические ошибки, а еще хуже, когда в спешке помощники режиссеров выдавали титры, перевернутые вверх ногами.

Все эти накладки были сплошь и рядом. Из-за недостатка пленки (она лимитировалась) часто прибегали к помощи фотографий. Фоторяд в передачах использовали так часто, что фото стало предметом искусства на телевидении. Телеоператоры в студии умудрялись путем отъезда, наезда, укрупнения, мягких, плавных переходов с одной фотографии на другую создавать маленькие шедевры фотоочерков на телевидении. Жаль, что сегодня этот прием используется редко.

Самый же большой недостаток того телевидения – отсутствие электронного монтажа. Склейки, к которым прибегали монтажеры, занимали много времени и снижали качество видеоряда. Эта техническая бедность, ограниченность изобразительных средств приводили к неожиданным, парадоксальным формам телепрограмм. Главное заключалось в том, что при отсутствии синхронных камер и электронного монтажа передачи, как правило, шли живьем. Практически все общественно-политические передачи выходили прямо в эфир. Так называемые «разговорные» телепередачи составляли основу общественно-политического вещания.

Конечно, при этом допускались многочисленные накладки, всякого рода сюрпризы, которые так характерны для живого, открытого телевидения. Но парадокс как раз заключался в том, что они создавали эффект доверия у телезрителей. Старшее поколение хорошо помнит живые выходы КВН, когда юморески, шутки, прибаутки, конкурсы хотя и сопровождались накладками, оговорками, но были в цене за свою открытость, непосредственность, неприглаженность, за неповторимый «эффект присутствия» на событии в момент его свершения.

Однако случались и такие накладки, которые сплошь и рядом вели к разборкам на самом верху. Ведь живые политические передачи всегда чреваты неприятностями. А времена-то были суровыми, спрос и контроль – жесткими. Вот почему каждое утро на телевидении руководители редакций и технических служб собирались в кабинете заместителя председателя Комитета по радиовещанию и телевидению Георгия Александровича Иванова.

На планерках он дотошно разбирался с каждой ошибкой (даже в титрах!), каждой накладкой. При этом был суров, но справедлив. Мне тоже не раз приходилось бывать в его «бане», но обид не осталось.

Без преувеличения скажу, что Георгий Александрович Иванов обладал незаурядными способностями организатора и высокой эрудицией. Во многом благодаря ему удалось в какие-то три года не только осуществить переезд основных творческих подразделений в Останкино, но и втрое увеличить объем вещания. Он стоял у истоков большинства новых циклов телепрограмм, фильмов, общественно-политических, литературных и музыкальных передач. В паре с другим крупным государственным деятелем тогдашним председателем Госкомитета Николаем Николаевичем Месяцевым они смогли осуществить много новаций.

Одним из крупнейших телевизионных проектов того времени станет историко-революционный документальный сериал «Летопись полувека». Его подготовка и показ были приурочены к 50-летию Октябрьской революции. Для создания каждого фильма были организованы творческие группы из числа лучших режиссеров, сценаристов, операторов, редакторов, авторитетных ученых, историков, консультировавших фильмы. Правительство своим решением выделило дополнительные средства, которые позволили закупить дополнительную телевизионную технику, оборудование, оплатить нелегкий творческий труд создателей уникального сериала. Убежден, «Летопись полувека» и сегодня остается ценным историческим документом своего времени.

В 50 фильмах по каждому году давалась историко-философская трактовка событий. Главной ценностью фильмов были и остаются факты, хотя трактовка их временами была идеологизированной.

Сериал показывался по телевидению в течение восьми месяцев. Истинной правдой является то, что миллионы людей с огромным интересом смотрели эти фильмы, а многие телезрители оказывались героями этих фильмов. Я сам свидетельствую, что огромное число людей торопились с работы к началу очередной серии. Усаживались у экранов семьями, вместе с друзьями и с гордостью смотрели, какими были их деды, отцы и матери и как много им удалось совершить. В том числе одержать историческую победу над фашизмом, восстановить от разрухи в послевоенные годы города и поселки, фабрики и заводы, построить новые гигантские электростанции, металлургические заводы, современные химические производства, новые железнодорожные магистрали...

Первый показ первой серии «Летописи полувека» состоялся 21 апреля 1967 года. А через две недели – 8 мая по телевидению и радио прошла торжественная церемония зажжения Вечного огня славы на Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены. Останки неизвестного солдата перевезли из района Дубосеково, где смертью храбрых пали 28 героев-панфиловцев.

Вот как вспоминает Николай Месяцев об этом поистине трогательном и горестном событии, когда на Могиле Неизвестного Солдата в присутствии всего руководства страны и знаменитых военачальников вспыхнул Вечный огонь славы:

«Шел май. Александровский сад под кремлевскими стенами наливался сиреневым цветом, на земле полыхали ярко-красные, как кровь, тюльпаны, а над всей Москвой висел легкий, словно пух, туман, едва пробиваемый солнечными лучами.

Через считанные минуты скажет проникновенные слова памяти павших Николай Григорьевич Егорычев – фронтовик, первый секретарь Московского горкома партии, мой сверстник и единомышленник, а за ним слова «Вечный огонь» повторят благодаря телевидению и радио Москва, вся страна – от западных ее границ до восточных.

Николай Егорычев, произнося слова прощания, говорил сквозь сдерживаемые рыдания. Плакал и я.

Глядел я сквозь чугунную ограду Александровского сада, через Манежную площадь – вверх на улицу Горького, к гостинице «Москва», в сторону Большого театра – повсюду были люди, мои дорогие москвичи... У всех – слезы на глазах, слезы памяти горестных утрат в Великой войне, где мы оказались победителями над хитрым, сильным врагом, над фашистской Германией.

Было тихо. Очень тихо...

Тысячи людей ждали. Ждала вся многонациональная страна. Мы уже научились связывать воедино передачи телевидения и радио, синхронизировать их прямой выход в эфир. Часы отсчитывали последние секунды захоронения Неизвестного Солдата. И вот вспыхнул Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата.

Грянул орудийный салют. Потянуло запахом войны. Зазвенела медь оркестра...

Я подошел к Брежневу, попрощался с ним и другими товарищами, забрал у Егорычева текст его выступления и пошел через Красную площадь в Замоскворечье, на Пятницкую, в Госкомитет.

Бывают минуты, мгновения, когда в тебя вливаются такие силы, которые, думается, не израсходовать. Не истратить вовеки...»

Глава 2

Как создавалась «Минута молчания»

Но уже на следующий день ровно в 18.50 в эфир на телевидении и радио вышла знаменитая передача «Минута молчания», которая стала святым ритуалом в День Победы на вечные времена.

Но история создания этой поистине исторической передачи начиналась двумя годами раньше. Первой эта идея родилась у замечательной журналистки Ираны Казаковой, сподвижницы Николая Мушникова. Мы с нею знакомы и дружим уже более сорока лет.

А начиналось все так. В феврале 1965 года Ирану Дмитриевну пригласил к себе на разговор главный редактор редакции информации Центрального телевидения Николай Семенович Бирюков. Сославшись на руководство Госкомитета, он попросил: «Подумайте, чем нам ознаменовать двадцатилетие победы».

Дальше приведу слова воспоминаний самой Ираны Казаковой:

«Я принадлежу к типу журналистов, которым светлые идеи приходят во время хождения по длинным коридорам и формирования «вымученных» внутренних монологов. Новый кадровик, который часто видел меня в коридоре, предложил уволить за «безделье». Но идея пришла именно в момент такого безделья. Я села и быстро написала сценарий будущей передачи-ритуала «Минута молчания».

Николай Семенович одобрил идею и прямо с рукописным вариантом сценария помчался к председателю Комитета по радиовещанию и телевидению Николаю Николаевичу Месяцеву.

Буквально через несколько дней меня вызвал сам Николай Николаевич, и начался долгий, мучительно захватывающий процесс создания «Минуты молчания».

Вместе со Светланой Володиной, редактором будущей передачи, запершись дома, мы сочиняли текст телевизионного варианта передачи. Аркадий Ревенко, комментатор радио, трудился над текстом радиоварианта. Тогда еще никому в голову не пришло, что передача-ритуал должна быть единой и на радио, и на телевидении.

Когда первые наброски текстов были готовы, Николай Месяцев объявил нам, что отныне каждый рабочий день для создателей «Минуты молчания» будет начинаться в его кабинете. Ровно месяц изо дня в день в девять утра мы уже оказывались в кабинете председателя комитета. Николай Николаевич, как он любил говорить, «сам брал ручку в ручку» и писал текст, который рождался по слову, по запятой. Это было действительно так: «в грамм добыча из тонны руды».

Часто к работе подключались члены коллегии комитета. Хорошо помню подсказки первого зама председателя Энвера Назимовича Мамедова, еще одного зама Георгия Александровича Иванова.

Мучительные поиски каждой фразы, каждого слова продолжались. В те дни ни о чем другом не думали, ничем другим не занимались.

На радио готовилась фонограмма музыкального оформления ритуала. Режиссером радиопередачи стала Екатерина Тарханова, женщина редкостной человеческой красоты. Если к чему-либо она, как эллинская богиня, прикасалась, это сразу становилось значительным, талантливым, озаренным недюжинными способностями прекрасной женщины.

Встала задача: что делать с самой минутой молчания в эфире? На телевидении будет какое-то изображение. А на радио? Целая минута тишины в радиоэфире – дыра. Екатерина Тарханова с ее масштабом мышления и тонкостью воображения придумала в минуту мол-

чания в эфире вплести перезвон кремлевских колоколов, которые сохранились в запасниках Большого театра.

И не просто перезвон, а вызвененную на колоколах мелодию траурного марша «Вы жертвою пали». Партитура этого марша в исполнении на колоколах тоже была разыскана. Фонограмма складывалась как торжественная литургия.

Ждали текста. А он все выковывался. Страничка литого слова. Это должна была быть молитва.

Наконец поставили точку и поняли: ни вставить, ни убрать из текста больше ничего нельзя.

Екатерина Тарханова, прочитав текст, долго сидела опустив голову. Кому дать прочесть молитву? Дикторам, чей голос знаком каждому? Актрисе? Самая большая опасность – сделать молитву театрализованной. Катя вышла в коридор и встретила Веру Енютину, диктора радио, чаще всего читавшую рекламу, которую у нас мало кто слушал. «Вера, – спросила Екатерина Тарханова, – ты можешь молиться?» – «Не знаю, – ответила Енютина, – давай попробую». Они быстро зашли в студию. Вера склонилась над текстом и очень скоро дала знак, что готова. Записали первый дубль, второй, третий. Но лучше самой первой записи ничего уже не получилось. Ее и стали накладывать на готовую фонограмму.

Сама «Минута молчания» открывалась великим голосом Юрия Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву! – Тревожно-торжественные звуки метронома приковывали внимание. – Слушайте Москву!» Из-под чеканки метронома выплывали тихие звуки «Грез» Шумана.

«Товарищи! – задумчиво и трепетно произнесла первые слова Енютина – да так, что сердце упало. – Мы обращаемся к сердцу вашему. К памяти вашей. Нет семьи, которую не опалило бы военное горе...» Звучала молитва, и если человек шел, он останавливался, замирал и не мог оторваться от голоса молящейся. Мы сидели в аппаратной студии «Б» на Шаболовке: Светлана Володина, Николай Николаевич Месяцев и я. Еще не отзвучали последние аккорды передачи, как я услышала рядом с собой рыдания. Закрыв лицо платком, не стесняясь нас, плакал Николай Николаевич. Впервые в жизни я видела, чтобы зарыдал мужчина. И мы не скрывали своих заплаканных лиц. Это были святые слезы.

Мы поняли: радиовариант «Минуты молчания» готов. Лучшего нам не сделать. И конечно, передача должна быть единой на радио и на телевидении. Теперь начиналось не менее трудное – сделать вариант телевизионный. Найти единственно верное и точное изображение под молитву. Что должно быть на экране в такой момент? Предстояла тьма не только творческой, но и технической работы. Редактор Светлана Володина, режиссер телевизионного варианта Наталья Левицкая, помощники режиссера не выходили из кинопроекторной. Искали изображение, отбирая документальные кинокадры войны. Решили дать самые сильные, самые трагические кадры, запечатленные фронтовыми кинооператорами. Горы пленок. Снова «в грамм добыча из тонны руды».

Наконец смонтировали семнадцать с половиной минут изображения – именно столько звучал радиоритуал «Минута молчания».

Стали соединять пленку и фонограмму. Ничего не получалось. Кинокадры шли отдельно. Молитва отдельно.

Наталье Левицкой пришла в голову идея пригласить актрису, по образу похожую на известный во время войны плакат «Родина-мать зовет». Пригласили актрису, одели во все черное. Как бы от Родины-матери она стала читать текст, но это был театр. Время шло, экран был пуст, придумать ничего толкового не удавалось.

Вдруг в один из вечеров наших мук, когда Николай Николаевич Месяцев был на теле-студии, а мы обсуждали очередной вариант, он тихо сказал: «На экране должен быть только огонь, живой, бьющийся огонь». Мы ахнули. Предложение было гениальным.

Все наши помыслы были уже об огне. Какой огонь? Вечного огня в 1965 году в Москве не было. Где должен гореть этот огонь? Снимать ли его на пленку или это должен быть живой огонь в кадре? И тут посыпались предложения – одно смелее другого. Огонь решено было зажечь в студии. За работу взялись газовики, пожарные, декораторы, рабочие сцены. К черту полетели все правила противопожарной безопасности. Разрешали все – все службы телевидения. Стоило сказать: «Это для «Минуты молчания», как откликнулся каждый.

В главной студии телевидения на Шаболовке – студии «Б» – соорудили высокую стену. На экране она выглядела сложенной из массивных плит гранита. На стене выбили надпись – ПАМЯТИ ПАВШИХ. Около стены поставили гипсовую чашу, которая также смотрелась сделанной из гранита. К чаше подвели газовую горелку и зажгли огонь.

Начались бесконечные репетиции. Бьющийся во весь экран огонь производил неизгладимое впечатление. Работники телевидения, проходя мимо экрана, останавливались и завороженно смотрели на живое пламя. Мы понимали, что точнее изображения не придумаешь, потому что именно огонь сосредотачивает на себе все мысли, полностью концентрируя внимание. Молитва и музыка сливались с огнем в волнующее до глубины души триединство.

Режиссер Наталья Левицкая на всякий случай сняла огонь на кинопленку, сделав кольцо из повторяющихся кадров. Она как в воду смотрела...

Близилось 9 мая 1965 года. Степень нашего волнения подходила к предельному градусу. Передача была объявлена на 18 часов 50 минут.

9 мая все приехали на студию задолго до начала. Режиссер проверяла и проверяла готовность. Такая ответственная передача шла в прямой эфир. К назначенному времени в студии собралось все руководство телевидения и члены коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению. У пульта были режиссер, ассистент режиссера, Николай Николаевич Месяцев, редактор передачи и я как представитель авторского коллектива.

Наконец зазвучали позывные. Сердце билось где-то у горла. Ассистент по команде режиссера нажала кнопку, и раздался голос Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву!» В кадре появилась гранитная стена и крупно слова – ПАМЯТИ ПАВШИХ. С первых же звуков «Грез» Шумана в кадре во весь экран запылал огонь. Величественный и негасимый, он бился как сердце, как сама жизнь. «Товарищи! Мы обращаемся к сердцу вашему, к памяти вашей...» Все замерли.

Мы не чувствовали времени, оно нам казалось вечностью. Шла молитва памяти павших в Великой Отечественной войне. И вдруг раздался истерический крик режиссера: «Кольцо!» Мгновенно заработала кинопроекторная камера. Случилось то, чего мы все больше всего боялись, – огонь в чаше стал угасать. В долю секунды режиссер заметила это и успела дать команду включить кинопленку. В кадре уже бился киноогонь. А в студии к чаше с огнем по-пластунски полз помощник режиссера, чтобы исправить случившуюся неполадку. Мы все вытянулись в сторону окна, отделяющего пульт от студии. «Спокойно, товарищи!» – сказал Месяцев. Огонь в чаше набирал силу. И вот снова включена студия. Молитва подходила к концу. Снова раздался голос Юрия Левитана: «Минута молчания». На пульте все окаменели. Из какой-то далекой глубины зазвучали колокола: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» И снова мертвая тишина. Только мощные фортепианные аккорды останавливали эту торжественно-траурную минуту. Дальше зазвучала музыка Чайковского, Баха, Рахманинова, а мы все не отрывались от огня, каждый уже думая о своем, о своих погибших, о страшных пережитых годах и о Дне Победы двадцать лет назад.

Передача закончилась. Все молчали. Сидели опустив голову. Не было сил встать. «Спасибо, товарищи, спасибо!» – прервал молчание Николай Николаевич Месяцев. Стали потихоньку расходиться.

Все началось наутро. Первым на студии я встретила одного из телевизионных инженеров, Героя Советского Союза. Он подошел ко мне, взял мою руку и сказал: «Вы не знаете,

что вы вчера сделали. Наш танковый корпус праздновал День Победы в гостинице «Советская». Собрались в 16 часов, вспомнили товарищей, выпили, хорошо поужинали. И вдруг на весь зал – позывные колокольчики. Танкисты встали. И семнадцать с половиной минут стояли не шелохнувшись. Эти закаленные боями люди, не знавшие слез, плакали. От нашего танкового корпуса великое вам спасибо».

Оказывается, в тот час во многих театрах Москвы были прерваны спектакли. По стране у уличных репродукторов стояли толпы.

Останавливались автобусы и троллейбусы. Люди выходили и присоединялись к слушающим.

Почту понесли пачками. Мы читали взволнованные строки и понимали, что тронули сердца миллионов людей. Воздали должное тем, кого унесла война. Из всех писем, которые пришли на телевидение и радио, я до сего дня храню одно. Это простая желтенькая почтовая открытка. На ней размашисто – адрес: Москва, Центральное телевидение, «Минута молчания». А на обороте текст всего в два слова: «Спасибо, Мать». Это была самая высокая награда всем нам, кто сделал эту передачу».

С тех пор прошло много лет. Каждый год 9 мая по радио и телевидению в 18 часов 50 минут звучит ритуал памяти павших – «Минута молчания». За эти годы много перемен пришлось на долю этой передачи.

Уходили и приходили новые руководители страны и Гостелерадио. В бытность Л. Брежнева возникла даже тема «Малой Земли», где, оказывается, наступил решающий перелом в войне. В 90-х годах удачно будут вводить новые нюансы, нивелируя напоминания о советском прошлом.

Менялись и дикторы. На смену Вере Енютиной придет голос Юрия Левитана. Но теперь уже исчезнет молитвенное звучание текста. Более удачным окажется до сих пор звучащий голос Игоря Кириллова. Он мягче, душевнее и, может быть, торжественнее, как напоминание о великих жертвах и великой Победе. Но того молитвенного обращения Родины-матери уже, пожалуй, никогда не произойдет.

Тем важнее снова вспомнить тот первый авторский коллектив, который создал великую национальную программу-реквием: Николая Месяцева, Ирану Казакову, Екатерину Тарханову, Наталью Левицкую, Веру Енютину, Светлану Володину.

Глава 3

Эфир ошибок не прощает

В 70—80-х годах программу все больше перегружали официальной государственной и партийной хроникой: переговоры, визиты, встречи, награждения, приветственные телеграммы по случаю каких-либо успехов. И, конечно, на первом плане генсеки, члены политбюро, министры... Эту программу считали главной государственной телепередачей, и ее, как правило, смотрело все руководство.

Прекрасно понимало это и руководство Гостелерадио, его новый председатель Сергей Лапин, и потому до самого начала вечернего эфира шел непрерывный прессинг со стороны руководства Гостелерадио, главного редактора службы новостей, выпускающих, режиссеров — доставалось всем. Нигде не было такой нервной обстановки, как в кабинете программы «Время». Но эфир жесток, он не прощает оплошностей. Поэтому накладки случались почти каждый день, а телевизионщиков все чаще мучили нервные срывы.

Ситуация усугублялась тем, что почти все наиболее важные события передавались в прямом эфире. А вожди наши дряхлели, и телевидение лишь подчеркивало это, что, на мой взгляд, все больше дискредитировало самих партийных и государственных «боссов». Сказать об этом прямо никто не решался.

Самые неприятные, порой анекдотичные случаи происходили с Леонидом Брежневым.

...Вот он приезжает на торжественную встречу в Алма-Ате. В программе пребывания несколько встреч. На первой же из них — самой важной — Леонид Ильич выходит на трибуну, неспешно, как всегда, вынимает из внутреннего кармана свою речь и, слегка откашлявшись, приступает к чтению. Однако уже к четвертой-пятой минуте становится ясно, что он произносит речь, заготовленную для другой аудитории. Наступает замешательство. Да и сам Брежнев почувствовал, что произносит нечто не то. К нему из президиума заседания быстро подбегает помощник и вручает другой текст. Проявив потрясающее хладнокровие, Леонид Ильич начинает произносить нужную речь с теми же первыми словами обращения: «Дорогие товарищи!»

Конечно, последовали потом разборки на высшем уровне. Заодно удалось установить, что в разных карманах Л. Брежнева лежали разные речи. Просто не в тот карман он полез. Пожурили и телевидение, хотя прямой эфир не позволял никаких иных вольностей. Тем более что трансляцию вели наши друзья — казахские телевизионщики.

Конечно, в вечернем повторе все было показано чистенько. Как будто ничего не случилось.

Другой пример — совсем уж интимного свойства. Леонид Ильич прибывает в Кишинев. На перроне — море цветов, встречают первые лица республики и три красавицы-молдаванки в расписных одеяниях и с хлебом-солью. Леонид Ильич обнимается, крепко целует каждую, а одну особо обнял и громко так сказал: «Ну, красавица, навести меня сегодня вечером...»

Эфир услышал, в стране услышали. А в республике острые на язык хохмачи в тот же день припомнили, как моложавый Леонид Ильич, возглавлявший в прошлом Молдавию, был очень охоч до женского пола...

Самыми распространенными в Кремле церемониями были всякого рода награждения. У всех руководителей звездами и орденами грудь была украшена сполна. Больше всех, конечно, у Леонида Ильича, и эти церемонии он особо почитал.

Вот вернулся из космоса очередной экипаж космонавтов. На этот раз он был интернациональным, в команде был и польский космонавт.

Награждение и приветствие взял на себя наш генсек. Все торжественно обставлено. Рядом в шеренге – космонавты и высокие гости, включая польского посла.

...Пауза ожидания торжественной церемонии затягивается. Телекамеры уже все детали обстановки, приготовлений высветили. И вдруг раскрываются створки красивой двери дворца и появляется Леонид Брежнев. Он семенит ногами, буквально скользит по ковру, но почему-то идет не к гостям, а мимо – все по той же ковровой дорожке и доходит уже до следующей двери. Но там створки вовремя открываются, и двое офицеров в парадной форме бережно разворачивают Брежнева и деликатно под руки препровождают его в нужное место – на коврик перед микрофоном. На этот раз текст уже приготовлен на столике и Брежнев, с трудом произнося слова, справляется с приветственным словом. Далее идет прикалывание звезд Героя, объятия и мужские поцелуи...

Потом по программе – возвращение в Звездный городок. В автобусе – напряженная тишина. Всех не оставляет гнетущее состояние от увиденного на церемонии в Кремле. И тут в какой-то момент встает со своего кресла в автобусе Алексей Леонов и, имитируя шаркающее по ковру движение ног в Кремле генсека, вдруг обращается к награжденным, и особенно к польскому послу, с такими словами: «Ну как, ребята, наш лыжник вам понравился?» Хохот взорвал тишину, и дальше уже весело докатили до Звездного.

А рассказал мне эту историю наш замечательный космонавт Климук, который участвовал в этом полете вместе с поляком.

Особые сложности стали возникать при трансляции выступлений Л. Брежнева, когда он уже плохо выговаривал отдельные слова и буквально «проглатывал» отдельные слоги. Наши виртуозы-монтажницы нашли и тут выход. По подсказке руководства редакции стали извлекать те самые слова и слоги из других, уже записанных ранее речей Леонида Брежнева и совершенно блистательно вставлять их в свежие речи. Телезрители, да и руководство государственное даже не догадывались об этих наших телевизионных фокусах.

Чем-то совершенно необычным обернулись смерть и похороны Леонида Брежнева и телевизионный вариант прощания с генеральным секретарем. Было хорошо известно на телевидении, что Л. Брежнев очень доверял председателю Гостелерадио Сергею Георгиевичу Лапину. Доверял в политическом, телевизионном и даже в чисто человеческом плане. Леонид Ильич слыл большим спортивным болельщиком, болел за ЦСКА. Но на стадион трудно было выбираться, тогда он звонил Лапину и говорил: «Сергей, очень хочу посмотреть сегодняшний матч ЦСКА, а по телевидению ты не показываешь. Окажи любезность, организуй трансляцию...»

Сергей Лапин и сам был заядлым болельщиком ЦСКА. Ну уж если просит Л. Брежнев, надо сделать, приходилось срочно ломать программу телевизионного дня и спешно отправлять передвижные телевизионные станции на стадион.

Рассказываю об этом потому, что смерть генерального секретаря для С. Лапина стала большой человеческой потерей. А тут еще так получилось, что за четыре дня до смерти, 6 ноября 1982 года, Леонид Ильич наградил Сергея Георгиевича Звездой Героя Социалистического Труда.

Но вот что вышло в день смерти Л.И. Брежнева. С утра в Останкино вместе с каким-то высокопоставленным человеком в гражданской форме пожаловал Сергей Лапин. Он был очень хмур, а на лице – скорбь. В кабинете генерального директора программ собрались самые доверенные лица. Лапин сообщил о горестной вести, сообщил, что смерть произошла ближе к утру и теперь перед телевидением, прежде всего перед Генеральной дирекцией программ, стоит невиданная задача. За короткое время надо тщательно просмотреть, проанализировать все телепрограммы текущего дня и с учетом трагического события «почистить эфир», освободить от веселых развлекательных передач, от фильмов, репортажей, где могут возникнуть ненужные ассоциации.

Тут же было решено сформировать группу самых ответственных работников и немедленно приступить к оценке и отсмотру всех передач. Никому ни слова, из кабинета, где можно было на мониторах отсматривать любые программы, не выходить. Еду доставлять на рабочее место. По всем возникающим сомнительным моментам докладывать непосредственно С. Лапину.

Было также сказано, что день официально пока не объявляется траурным. Все откладывается на завтра.

Возник вопрос насчет концерта, посвященного Дню милиции. Он всегда напрямую показывался 10 ноября, и это был чуть ли не лучший концерт года. На этот вопрос человек в гражданской форме заметил, что концерт в Колонном зале уже отменен. Будут отменены и другие увеселительные мероприятия.

Конечно, трудно было не предположить, что по Москве быстро поползут слухи и тайну смерти Л. Брежнева не скрыть. Тем не менее телевизионный эфир был поставлен под жесткий контроль. Приняли и другое важное решение: с завтрашнего дня все программы телевидения выстраиваются заново, как и положено в день траура, – симфонические и камерные концерты, соответствующие теленовости, реакция за рубежом, траурные мероприятия по всей стране с показом по телевидению и т. и.

Самое главное решение: два канала ТВ, первый и второй, работают в одном режиме, синхронно, на одной картинке.

Кстати, с тех пор так и повелось: как только умирали генсеки, первый и второй каналы синхронно показывали одни и те же передачи в траурном обрамлении.

Сами похороны Леонида Брежнева обернулись неприятным сюрпризом для телевидения. Все было как обычно: траурные речи, звучавшие с Мавзолея Ленина слова прощания, процессия с гробом к могиле возле Кремлевской стены. Но когда гроб опускали в могилу, вдруг сорвались веревки у изголовья. С большим трудом справились с этим невероятным инцидентом.

Но всевидящее око телевидения зафиксировало и этот исторический траурный эпизод, который потом расценивали неожиданным образом. Самый распространенный слух, воцарившийся среди народа, – быть великим переменам в стране?! Возможно, это в самом деле окажется великим предвестником скорых грядущих перемен. Но все-таки не таких скорых, как пытались предсказать тогда всякие звездочеты. Пока наступит переходный период – андроповский, затем очень странный и скоротечный – черненко-ский период и только потом – горбачевский, который многое буквально перевернул в стране.

Глава 4

Через газету «Труд» – во властные структуры

Для телевидения того времени, да и всей прессы едва ли не главным стал вопрос об усилении не только пропагандистской, но и организаторской роли печати, усилении критического начала в работе печати. В значительной степени это было связано с приходом к власти после смерти Л.И. Брежнева Юрия Андропова.

Мне, к счастью, к этому времени было доверено возглавить самую массовую газету в стране, да и не только в стране, но и в мире, – газету «Труд». По своему главному предназначению она как центральный орган профсоюзов должна была защищать, отстаивать интересы трудящихся. И, пожалуй, именно в этой газете чаще всего появлялись острые критические публикации и велись крупные газетные кампании.

Но далеко не всем руководителям – и в правительстве, и в краях, республиках – нравились острые аналитические статьи.

Юрий Андропов в ту пору неоднократно высказывался в пользу критического анализа состояния дел в СССР, призывая телевидение, радио, газеты острее и более глубоко освещать глубинные процессы в обществе. Но после эпохи Л. Брежнева эти призывы трудно прививались на практике.

Умные, трезвомыслящие партийные руководители в краях и областях сознательно стремились поддерживать критический дух на телевидении и в своих газетах. Они понимали, что это мощный рычаг управления. Поэтому даже подсказывали редакциям, по каким проблемам, по каким персоналиям следует выступить с критическим анализом. Каждое утро они начинали рабочий день с чтения публикаций свежего номера «своей» газеты. Отмечали прежде всего критические материалы, а нередко вырезки таких публикаций сопровождали резолюциями с поручениями своим подчиненным «Разобраться и доложить!». Руководитель мог и по телефону позвонить редактору газеты, пригласить на беседу автора статьи.

Звонки, конечно, были разные, не всегда приятные для редакций. Но уж если власть поддерживала газетное выступление, это был праздник. Вообще, забота о действенности СМИ была в те времена возведена на уровень государственной политики. И как страшно, неприятно сталкиваться ныне с полным равнодушием властей к публикациям в прессе, критическим теле- и радиопередачам. Порой такие сенсационные разоблачения видишь по телевидению, читаешь в прессе – и хоть бы хны! Думаешь всякий раз: если это неправда – надо гнать в три шеи авторов сенсаций, а если правда – почему власти безмолвствуют? Народ это видит и тоже становится равнодушнее как по отношению к властям, так и к прессе.

О неравнодушии некоторых видных деятелей к критическим выступлениям ходили легенды. Естественно, как со знаком плюс, так и со знаком минус. Очень болезненно реагировали на критику в центральной прессе партийные вожди Кунаев в Казахстане и Рашидов в Узбекистане, влиятельнейший первый секретарь Краснодарского крайкома партии Медунов.

И совсем нетерпим был к любому критическому слову всесильный глава МВД Щелоков. Доходило до идиотизма: даже крохотные критические заметки о милиции в центральных газетах приходилось согласовывать в самом министерстве. Редакторы газет знали об особых связях министра с генсеком Брежневым, Черненко и откровенно побаивались Щелокова. Но ведь потом судьба этого человека, оказавшегося вне зоны критики, сложилась трагически. Так же, как и судьба первого зама председателя КГБ Цвигуна. Оба покончили самоубийством.

Образцом внимательного отношения к прессе считались тогда первый секретарь Томского обкома партии Егор Лигачев и первый секретарь Свердловского обкома партии Борис

Ельцин. О лидере Томской области было известно, что каждый номер областной газеты «Красное знамя» он прочитывал дотошно, с цветным карандашом в руке. Считал для себя принципиальным поддерживать ее публикации. Время от времени Лигачев появлялся и в редакции, встречался с журналистами и вел открытые беседы о материалах газеты. Иногда он устраивал в Томске акции всесоюзного масштаба. По инициативе Егора Лигачева на строительстве Томского нефтеперерабатывающего комбината прошла всесоюзная журналистская летучка. Пригласили на нее редакторов некоторых центральных, краевых, областных и даже многотиражных газет. Отбирали приглашенных по принципу: какое предприятие, область, край, республика прямо связаны с поставками оборудования, материалов и конструкций для строительства комбината, отсюда и звали журналистов. Надеялись, что они подключат через свои газеты местных поставщиков и ускорят сроки выполнения договорных обязательств. Да, в те времена редакции смело брали на себя организаторские функции. На этой летучке журналисты обменялись информацией, уточнили через организаторов ситуацию на стройке, графики выполнения работ и разъехались по своим территориям для оказания агитационной поддержки Томску. Кстати, в итоге комбинат пустили досрочно, и в этом была заслуга журналистов и Лигачева, который опирался на их поддержку.

В Свердловске Борис Ельцин предложил новую форму использования местного телевидения для открытого разговора с населением области. В прямом эфире свердловчане задавали своему лидеру самые разные, порой очень неожиданные и каверзные вопросы, а он на них терпеливо в течение нескольких часов отвечал. Какая-то часть вопросов все равно оставалась без ответов – не хватало времени. Но и на них жители области через обком партии получали исчерпывающие ответы. А самые интересные проблемы, возникавшие по ходу телевизионных диспутов, становились потом предметом обсуждения на бюро обкома и с исполнительной властью. Так устанавливалась с помощью тележурналистов прямая и обратная связь власти с народом.

Еще одно важное направление, которое настоятельно прививалось тогда обществу, – правильно формировать общественное мнение, общественное сознание, опираясь на честное, правдивое изложение фактов, событий. И, конечно, журналисты обязаны нести в общество высокие нравственные и духовные идеалы. В прессе 80-х годов все это было. Минимум пошлости и грязи, всякого рода чернухи. Тогда не показывали по телевидению бесконечную цепь убийств, насилия, бандитских разборок, откровенных постельных сцен. Запрещалось даже подробное смакование технологии разбойных ограблений и покушений на человеческую жизнь. Нам говорили: «Зачем вы показываете по телевидению, печатаете в газетах инструкции на тему, как обмануть, как ограбить, как изнасиловать... Побольше нравственных оценок и анализа того, что является источником зла, какие экономические, социальные и иные корни в обществе становятся первопричиной роста преступности, пьянства, наркомании и прочих негативных явлений. Искоренять надо дурные дела, а не их последствия». Правильно, между прочим, говорили, и как это стало сегодня актуально!

Еще один важный принцип – обращение СМИ к социальным болям общества, к фактам бедной, неустроенной жизни миллионов простых людей. Нерешенный жилищный вопрос, низкие заработки, несовершенство пенсионной системы, высокий травматизм на производстве, плохое медицинское обслуживание, бездомные дети, правовая незащищенность людей и многое другое постоянно находилось в центре журналистских исследований.

Конечно, журналистика, телевидение должны были информировать, просвещать и развлекать, но главным оставалось умение слышать чужую боль, горечи человеческие. А они, как правило, выплескивались через письма читателей, которые редакции получали мешками, и многие из них публиковались. По ним проводились расследования на местах, оказывалась материальная и юридическая поддержка людям. Это укрепляло доверие к прессе миллионов сограждан. Через письма обеспечивались и поиск новых тем, а главное – обрат-

ная связь с читателями. Народ в массе доверял своим газетам, журналам, телевидению и радио. Вот так создавался эффект народности прессы 80-х годов.

В этом смысле уникальный опыт работы накопила газета «Труд», которая в ту пору была самой популярной в мире. Мне посчастливилось руководить «Трудом» в течение пяти лет – с 1980 по 1985 год. Тираж газеты вырос за это время более чем на 8 миллионов и достиг рубежа 19 миллионов 700 тысяч экземпляров. С этим тиражом газета попала в Книгу рекордов Гиннесса.

Помнится, за год «Труд» получал свыше 630 тысяч писем, из них около 520 тысяч – «крики о помощи». Именно так мы в редакции называли читательскую почту, в которой содержались просьбы и жалобы по самым острым социальным проблемам. Эти письма тщательно анализировались. По существу, они определяли план редакции на самых острых направлениях.

Что больше всего волновало тогда людей, на какие «слои», тематические группы можно было разграничивать письма? Больше всего их приходило по вопросам заработной платы и премирования – примерно каждое седьмое письмо. Задержки выплат, ошибки в распределении премий, несправедливое присвоение разрядов, отказы от доплат в выходные дни... Причем по недостаткам в премировании почта увеличилась почти на 20 процентов.

Второй крупный слой почты «Труда» был связан с пенсионным обеспечением. Поднимались в основном «вечные» вопросы о порядке назначения пенсий. Например, на 22 процента возросло тогда число запросов и жалоб по назначению пенсии колхозникам. Сказалось прежде всего слабое знание правовой основы.

Не уменьшалась почта и по трудовым спорам, неоправданным увольнением, нарушениям режима труда и отдыха, правил техники безопасности. По-прежнему острым оставался жилищный вопрос. Известно, что строили мы в то время жилья больше всех в мире и что у нас была самая низкая квартирная плата. Но вот парадокс: число жалоб по жилищной проблеме не снижалось. В адрес «Труда» каждое восьмое письмо приходило на эту тему. Однако менялся характер писем. На первый план вышла практика распределения квартир, плохая эксплуатация жилищного фонда, а не просто недостаток жилья. Люди ждали и были уверены, что квартиры, причем бесплатно, получают. А вот когда они сталкивались с фактами долевого распределения жилья, то справедливо возмущались.

Газета проверяла каждую такую жалобу, расследовала письма, публиковала не только подборки этих жалоб, но и сообщала о принятых мерах.

Вообще, социальная проблематика была самой популярной в прессе. А защитная функция газет укрепляла доверие читателей к газетам, создавала эффект народного уважения и почтения.

В этом смысле опыт газеты «Труд» по природе своей, как главного издания профсоюзов, призванных защищать интересы людей, заслуживает особого разговора. Возникал вопрос: от кого же защищать трудящихся? В первую очередь от бюрократов, которые за горами бумаг не хотят видеть живого человека. От администратора-прагматика, в глазах которого человек лишь средство выполнения производственного плана. От тех, кто не умеет толково организовать труд людей, наконец, от тех хозяйственных руководителей, которые не заботятся о создании условий для безопасного труда, охраны здоровья людей на производстве.

Будучи главным редактором газеты «Труд», я договорился с руководством главного штаба ВЦСПС о совместных действиях. В газете было введено три боевые рубрики, которые мы использовали на протяжении нескольких лет: «Закон обязателен для всех», «Руководитель и коллектив», «Исключен по требованию профсоюзов». Сами названия рубрик красноречивы. Газета, выходявшая феноменальным тиражом и пользовавшаяся огромным влиянием в обществе, развернула мощную критику хозяйственных руководителей, причем

нередко высокого ранга, за невнимание к нуждам людей, игнорирование их справедливых требований. Особенно жесткими были выступления газеты под рубрикой «Исключен по требованию профсоюзов». Речь в материалах шла о тех хозяйственниках, которые не заботились об охране труда на производстве, в результате чего возникали травмы, аварии, тяжелые заболевания людей. Персональные дела таких руководителей рассматривались на заседаниях республиканских, краевых и областных советов профсоюзов. Иногда даже на заседаниях президиума ВЦСПС. Суровой мерой наказания для них становилось исключение из членов профсоюза. Поначалу казалось: подумаешь – исключили? Но когда выяснилось, что начальник и его семья лишаются возможности пользоваться общественными фондами (оплата бюллетеней, льготные путевки в санатории и дома отдыха, бесплатные, по сути, путевки для детей в пионерлагеря и т. д.), стало ясно – наказание суровое. А прибавьте общественную огласку на всю страну – мало не покажется. Вскоре пошли даже жалобы от хозяйственных руководителей в ЦК КПСС и правительство на газету и председателя ВЦСПС Степана Шалаева по поводу «развязанной кампании по избиению руководящих кадров хозяйственников». Но позиция руководства профсоюзов и «Труда» была поддержана в высших инстанциях.

Мы исходили из того, что открытая, принципиальная критика, критика с позиций непереносимого улучшения дела, исправления недостатков, тормозящих наше движение вперед, – один из ярчайших признаков морально-нравственного здоровья общества, его жизнестойкости.

Нередко «Труд» вел мощные многомесячные кампании по житейским проблемам, волновавшим большинство семей, например низкое качество цветных телевизоров.

Помнится, я сам шесть раз возил в ремонт свой огромный цветной «Рубин». В последний приезд решил использовать свое служебное удостоверение и зашел на прием к директору телеателье. В его кабинете стал свидетелем драматической сцены. Перед директором сидела плачущая старушка и причитала: «Я лишилась света в окошке, он у меня единственный, и вот потеряла его на долгое время...» Я понял, речь идет о цветном телевизоре. Директор как мог успокаивал старушку, предлагал ей водички и даже валокордин. А потом позвал мастера и попросил разобраться с телевизором бабули. Когда она ушла, я представился, показал удостоверение главного редактора газеты «Труд» и рассказал о своих мытарствах с «Рубином». Вместе пошли и посмотрели мой телевизор. Мастер сказал, что вышла из строя какая-то пустяковая деталь стоимостью около семи рублей.

Тут же стали эту деталь искать. Опросили мастеров. Один, покопавшись в карманах, нашел то, что надо. А пока мой телевизор проходил оперативный ремонт, мы вернулись в кабинет директора. Он неожиданно выставил на стол аптечку, а рядом поставил ящик с какой-то картотекой. Заметив мой удивленный взгляд, признался: «Вот эта аптечка для стариков и старушек, которые тут бывают в глубоком расстройстве. Я их утешаю как могу. Что делать? Мы месяцами не получаем нужных деталей. А вот эта картотека как раз содержит перечень остродефицитных запчастей...»

В нашем разговоре выяснилось, что большинство цветных телевизоров, находящихся тут на ремонте, не исчерпали гарантийного срока. А тогда был такой порядок: покупателям вместе с телевизором давали книжечку с гарантийными талонами. После каждого ремонта один талончик отрывался. И так до седьмого талона, после чего покупатель имел право заменить свой телевизор на новый. Но покупатели и не догадывались, что примерно 90 процентов сходящих с конвейеров цветных телевизоров несли в себе какой-то брак. Поэтому, поменяв после семи заходов в телеателье телевизор на новый, покупатель приобретал такой же бракованный и снова маялся с ремонтом.

«Труд» начал газетную кампанию с показом всей цепочки муторной телевизионной вакханалии: заводской брак перекладывался на систему бытового обслуживания, которая должна была «лечить» или «долечивать» новенькие телевизоры, а вот «лекарств» (запасных

частей) остро не доставало – в итоге самые большие муки испытывали владельцы телевизоров.

На наши выступления в течение нескольких месяцев откликнулось более 60 тысяч человек. Почта о плохом качестве цветных телевизоров вышла на первое место в отделе писем. Мы сделали обзоры этих писем, направив их в ЦК КПСС и Совет министров СССР. В итоге было принято сначала решение политбюро ЦК, а затем совместное постановление ЦК КПСС и Совмина. Этим документом не только даны были руководящие указания по улучшению качества цветных телевизоров, но и предусмотрено срочное строительство новых телевизионных заводов с заимствованной у японцев технологией.

Но вот когда эти телевизоры появятся, никто толком сказать не мог. Поэтому «Труд», а за ним и газета «Известия» продолжали критические выступления в адрес производителей и в защиту потребителя.

Однажды раздался грозный звонок от члена политбюро ЦК КПСС Г. Романова. Ему доверено было курировать эту отрасль промышленности.

– Товарищ Кравченко, почему вы продолжаете мочалить телевизорную тему? – с нескрываемым раздражением спросил он. – Разве вам не известно постановление политбюро?

Я ответил, что этот документ очень порадовал нас, ведь он принят по выступлениям газеты «Труд», но проблема еще долго не решится, а люди продолжают мучиться. Надо призвать телевизионных бракоделов к порядку...

– Бракоделов мы и без вас призовем, – жестко заметил Романов, – а вот дразнить людей прекращайте!

Аналогичный звонок, насколько я знаю, был сделан и главному редактору «Известий» Алексееву. Пройдет еще несколько лет, и только тогда появятся известные телевизоры более высокого качества. Их станут выпускать в Воронеже, Минске и Львове.

Глава 5

Отчитываемся перед Андроповым

Усилия газеты «Труд» по защите социальных интересов людей заинтересовали Юрия Владимировича Андропова. Особенно его привлекли некоторые публикации, посвященные развитию производственной демократии, самоуправления в трудовых коллективах. И вот неожиданно для меня на секретариате ЦК, который вел сам Ю. Андропов, был поставлен отчет газеты «Труд».

Как обычно в таких случаях, были заготовлены критическая справка Отдела пропаганды ЦК КПСС, проект постановления ЦК, причем явно критические. Первые выступления от лица Отдела пропаганды ЦК, некоторых секретарей ЦК были традиционно критическими. Чувствовалось, что и газету они плохо знают.

Но вот дали слово мне, как главному редактору, и я прежде всего удивил сообщением, что «Труд» получает в год более 630 тысяч писем от читателей, из них более 520 тысяч – жалобы, «крики о помощи». Для работы с письмами мы только в одном отделе писем имели штат численностью 106 человек. Ежедневно работала юридическая приемная, где принимали население опытные юристы. По ряду их жалоб корреспонденты выезжали для расследования фактов на месте, и публиковались затем острые материалы в защиту тех, кто справедливо жаловался. Для редакции анализ писем, их оценка были чутким барометром мыслей и настроения людей. Ведь газету «Труд» ежедневно читали примерно 60–65 миллионов человек, поскольку ее ежедневный тираж был 19 миллионов 670 тысяч экземпляров.

Мой краткий отчет перебил вопросом Юрий Андропов: «А вы можете нам сказать, что сегодня больше всего тревожит людей, вызывает у них негативное отношение к властям?»

Я рассказал, что в большинстве были и остаются жалобы людей по жилищной проблеме. Это примерно каждое восьмое письмо. Немало обращений в редакцию в связи с фактами несправедливого распределения квартир, низкого качества строительства жилья.

Каждое восьмое письмо приходит к нам по вопросам пенсионного обеспечения. Причем резко прибавилось число запросов и жалоб от колхозников. Здесь сказывались две причины – слабое знание правовой основы и проявления волокиты при назначении пенсий.

Каждое девятое критическое письмо – по вопросам организации труда, заработной платы и премирования.

Примерно шесть процентов почты – по трудовым спорам, вопросам охраны труда и техники безопасности. Несколько сократилось число писем по нарушениям правил торговли, бытовому и медицинскому обслуживанию.

Обращает на себя внимание рост притока писем, в которых рабочие остро ставят вопросы об укреплении государственной и трудовой дисциплины, улучшении планирования, усилении спроса с тех, кто допускает бесхозяйственность и злоупотребление служебным положением.

Изучая почту, мы стремимся точнее учитывать интересы трудящихся, помогать им и советом и делом.

На страницах «Труда» практически ежедневно появляются письма, готовятся обзоры, юридические консультации, предпринимаются командировки «по следам письма». Непосредственно в трудовых коллективах редакция проводит дни открытого письма, которые имеют широкий общественный резонанс.

В ходе своего отчета я поставил также ряд вопросов, связанных с усилением действенности выступлений газеты и всей нашей прессы.

Неожиданным для меня был монолог секретаря ЦК Михаила Горбачева. Он дал настолько точные и профессиональные оценки, что я почувствовал, будто нахожусь на журналистской летучке, где ведется глубокий анализ содержания газеты. Мне показалось, что Михаил Горбачев даже сочувственно отнесся к моему отчету – тогда совсем молодого главного редактора.

Юрий Владимирович Андропов согласился с некоторыми критическими замечаниями, но поддержал умение газеты работать с письмами читателей, критически оценивать недостатки в социальной сфере. А потом неожиданно задал присутствующим вопрос: «А вы знаете, чем я недоволен на этом заседании? А тем, что подготовленные документы к заседанию не ответили на главный вопрос: в чем феномен самой популярной в мире газеты «Труд», которая с тиражом 19 миллионов 670 тысяч экземпляров вошла в Книгу рекордов Гиннеса? Для себя вижу две причины. Газета чрезвычайно насыщена интереснейшей информацией о событиях в стране и мире. И второе – она авторитетный защитник социальных интересов людей. Посмотрите и сравните две цифры, которые имеются в моем распоряжении. Газета «Труд» получает в год более 630 тысяч писем. Причем их основной массив – критический. А вот наши профсоюзы – ВЦСПС и все отраслевые профсоюзы вместе – получают в год только 43 тысячи писем.

Сравните эти цифры, и вы поймете, кому люди больше доверяют».

Юрий Андропов, завершая заседание, попросил переделать проект постановления ЦК «О газете «Труд» и высказал мне важное поручение: начать на страницах газеты обстоятельный разговор о развитии производственного самоуправления, производственной демократии на крупных предприятиях страны. «Начните публиковать очерки о лучших предприятиях, покажите потом мне», – заключил Ю. Андропов.

Он также высказался относительно соблюдения трудовой дисциплины и трудового законодательства. «Нельзя прощать ни одного факта нарушения трудового законодательства, ущемления законных прав трудящихся», – заявил он. Но особое внимание сосредоточил на повышении роли трудовых коллективов, развитии самоуправления в производственной сфере.

Постановление ЦК «О газете «Труд» изучали во всех редакциях газет – от местных до центральных. Мне позднее позвонил сам Юрий Владимирович Андропов и попросил подготовить силами журналистов редакции серию очерков о трудовых коллективах, где уже налаживается производственное самоуправление, развивается производственная демократия. После появления первого же очерка о Калининском полиграфическом комбинате я был приглашен к Андропову. Он детально, по абзацам, проанализировал нашу публикацию. Его советы помогли в дальнейшем создать цикл очерков, которые вошли в книгу «Мы – хозяева производства». В этом названии была сформулирована вся соль развития демократии на производстве, чем позднее вплотную занялись Николай Рыжков и Михаил Горбачев.

Конечно, такое внимание Ю. Андропова вдохновляло коллектив редакции. И мы стали искать новые формы прямого диалога с нашими читателями.

Одной из таких новых, наиболее удачных форм работы оказались дни открытого письма. Приведу только один пример. Однажды на строительстве появились почтовые ящики «Труда», куда по просьбе редакции рабочие могли опускать свои письма, заявления, предложения по волнующим их вопросам. Через несколько дней журналисты проанализировали почту и определили, кого из руководителей соответствующих ведомств следует пригласить на день открытого письма.

И вот в один из вечеров большой зал Дома культуры в рабочем поселке Десногорске заполнили сотни строителей атомной станции. Встречу вел член редколлегии газеты «Труд» Виталий Головачев. На письма отвечали руководители отраслевого министерства, местных партийных, хозяйственных и профсоюзных органов. Они давали обстоятельные ответы и

разъяснения по каждому письму, жалобе, предложению, в необходимых случаях обещали принять неотложные меры, учесть предложения. «Труд» опубликовал репортаж о дне открытого письма. Выступление газеты рассмотрели Министерство энергетики и электрификации СССР, Министерство связи РСФСР, бюро Смоленского обкома партии, местные советские и хозяйственные органы.

После дня открытого письма за короткое время с помощью редакции на стройке и в поселке было решено много вопросов. Наведен порядок в учете и распределении жилой площади, установлены телефоны-автоматы, открыто второе почтовое отделение, налажена работа междугороднего переговорного пункта, упорядочена торговля товарами повышенного спроса, усилен рабочий контроль в торговле и на предприятиях бытового обслуживания. Удалось улучшить обеспечение жильцов холодной водой и отладить работу лифтового хозяйства.

Глава 6

Перед возвращением на телевидение

...Наступил 1985 год, который вошел в историю как год начала крупной политической реформы в стране. Он стал переломным и в работе отечественной прессы, которая вступила в эпоху гласности, демократизации и перестройки. Назревавшие кардинальные перемены прямо и по заслугам связывают с именем Михаила Сергеевича Горбачева, которого на мартовском пленуме (1985) ЦК КПСС утвердили генеральным секретарем ЦК. Выбор этот был трудным. Уже позднее стало известно, что в борьбе за пост генсека столкнулись две группировки. На одной стороне стояли влиятельные старожилы В. Гришин, Г. Романов, М. Соломенцев. На другой – М. Горбачев, Е. Лигачев, Н. Рыжков и др. Решающим был голос, казалось бы, консервативного министра иностранных дел Андрея Громыко. Чаша весов качнулась в сторону молодого, амбициозного Михаила Горбачева. К этому времени все устали от проводов в последний путь больных и престарелых вождей Л. Брежнева, Ю. Андропова, К. Черненко.

В середине апреля я был приглашен сначала к секретарю ЦК КПСС Александру Яковлеву, а потом и к Горбачеву для неожиданного предложения. Мне напомнили, что у газеты «Труд» самый большой в мире тираж. «На самом деле самый великий тираж имеет советское телевидение, – сказал мне Горбачев. – Поэтому предлагаю переехать в Останкино, возглавить телевидение. Ты ведь там уже работал в прошлом. Будешь первым заместителем председателя Гостелерадио СССР, а по сути руководителем телевидения. Как смотришь?»

Я, естественно, отказываться не стал. Ведь мне довелось в прошлом руководить Московским каналом ТВ, а затем быть первым заместителем генерального директора программ Центрального телевидения. Телевидение знал назубок, сам делал в прошлом программы, фильмы, написал ряд статей о телевидении и даже издал собственную книгу «Тайны голубого экрана».

Итак, я согласился и стал ждать назначения.

Но меня в те дни мучили какие-то странные нехорошие предчувствия. Это было похоже на ожидание беды. Такое в «Труде» у меня случалось не единожды. Вспоминаю наши знаменитые устные вторники «Труда», проходившие, как правило, в Колонном зале. Обычно мы приглашали в первой части вечера кого-то из известных людей, они рассказывали о себе, отвечали на вопросы из зала, а во второй части были прекрасные концерты.

Так вот, однажды мы проводили такой вечер с участием знаменитой Джуны Давиташвили – женщины, о которой ходили легенды. Она была замечательной массажисткой, но вскоре обнаружила в себе удивительные качества экстрасенса. Массаж могла делать, не прикасаясь даже к телу пациента. Легко снимала головные боли, довольно точно проводила диагностику больных органов и даже не без успеха лечила заболевания. В течение нескольких сеансов могла избавить алкоголиков от пристрастия к спиртному, наркоманов – от тяги к наркотикам. А уж внушить курящему, чтобы он навечно расстался с курением, ей было совсем просто. Все это неоднократно подтверждалось на опытах. Джуна обладала такой мощной энергетикой, что, когда к ее рукам подключали оголенные электропровода, амперметр фиксировал наличие в сети электрического заряда.

Она лечила многих знаменитостей и их сыновей, отучая пить и курить, употреблять наркотики. А попасть к ней на массаж казалось делом невероятным. Мы были знакомы с Джуной, она даже нарисовала мне на память картину («Пирамида Хеопса»).

Так вот на очередной вторник «Труда» в Колонном зале и была приглашена в качестве главного «сенсационного» лица Джуна Давиташвили. Я в этот день возвращался из коман-

дировки во Францию и заехал по пути из аэропорта в редакцию. На всякий случай позвонил в ЦК относительно вечера с участием в нем Джуны. Мне было приказано: «Джуну на сцену не выпускать. Вокруг нее создалась скандальная ситуация. Многие зарубежные посольства проявили к ней болезненный интерес. И на этот вечер попросили аккредитацию около ста послов».

Назревал скандал. Я позвонил в Колонный зал своему заместителю Геннадию Проценко и попросил его любыми способами увезти Джуну. Она впала в истерику, бросалась к телефонам, чтобы позвонить секретарям ЦК, председателю Госплана Байбакову, но телефоны мы успели отключить. Потом в истерике она бросилась домой. Ее сопровождали наш завотделом науки И. Меленевский и полковник госбезопасности, не первый день работавший с ней на правах помощника.

Дома Джуна, забежав в ванную, перерезала себе вену на руке. Но Меленевский и полковник успели влететь в ванную и убедить ее не делать глупостей. «Ну что же, – сказала она, – будь по-вашему». И проделала другой рукой массаж на кровоточащей вене, и через минуту не было ни крови, ни даже следов пореза.

Скандал тем не менее разразился нешуточный. О нем писали и в нашей, и в зарубежной прессе. Меня вызывали в ЦК для объяснения. По линии ВЦСПС я и Меленевский получили по строгому выговору.

Такое же дурное предчувствие было у меня еще раз, когда в газете «Труд» появилась публикация «Ровно в 4.10». В ней рассказывалось о полете нашего пассажирского самолета из Эстонии в Минск. В течение почти часа самолет сопровождали в полете какие-то НЛО. Это видели все члены экипажа самолета и пассажиры. С их слов мы рассказали в публикации об этих чудесах. И экипаж, и пассажиров затем собрали вместе секретные службы и каждого в отдельности опрашивали. Все их рассказы были похожи как две капли воды. С миром всех отпустили. Но в эти недели во многих государствах мира статью «Ровно в 4.10» перепечатали огромное число газет. Ее пересказали с сенсационными комментариями крупнейшие теле- и радиокomпании зарубежных стран. По оценкам ТАСС, о содержании статьи в мире узнали более двух миллиардов читателей и телезрителей.

Тем временем в конгрессе США статью обсуждали на уровне секретных документов. Эксперты, ученые и военные специалисты пришли к выводу, что в статье фактически описывались события, очень напоминающие испытания лазерного оружия. Конгрессмены решили, что СССР примерно на пятнадцать лет опередил США в создании современного лазерного оружия – некоего «гиперболоида инженера Гарина».

Конгресс принял резолюцию об ускорении аналогичных исследований и выделил на эти цели из военного бюджета дополнительно 45 миллионов долларов.

«Труд» опять оказался в эпицентре скандала. Выяснилось, что эту статью мы обязаны были завизировать в пяти различных ведомствах, в том числе военных. А завизировали только в трех.

За эту грубую ошибку я, мой первый зам и завотделом науки получили по строгому выговору.

А что же было? Ответа на этот вопрос нет до сих пор. В одной из телевизионных передач, показанной несколько лет назад, была предпринята попытка разгадать эту тайну. Среди участников передачи были крупные специалисты, в том числе ученые и конструкторы в области ракетостроения. Высказывались две гипотезы: либо это было испытание лазерного оружия, либо запуск новых баллистических ракет. Большинство поддержало вторую версию. Но в передаче прозвучали сенсационные сообщения. Все члены экипажа того несчастного самолета, который сопровождали НЛО, быстро заболели и странным образом в течение двух лет покинули наш бранный мир.

Повторяю, перед этими газетными происшествиями меня мучили дурные предчувствия. Такая же тяжесть лежала у меня на душе несколько недель в связи с приглашением перейти на телевидение. И снова сбылось это почти мистическое ожидание беды.

А было вот как.

8 мая 1985 года, вечером, в торжественной обстановке отмечалось 40-летие Победы над фашистской Германией. Докладчиком был новый генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев.

В опубликованной на следующий день в «Труде» на первой полосе фотопанораме на столе президиума торжественного собрания между Чебриковым и Терешковой оказалась отдельно лежащая... голова М.С. Горбачева! Неслыханно и невиданно! Длиннющий стол, чинно сидящие за ним руководители партии и правительства, на столе графин с водой и рядом с ним голова генерального, который, кстати сказать, на той же фотографии стоит на трибуне и читает доклад.

Откуда взялась вторая голова генсека и как она оказалась на столе президиума – вопрос особый. Так сказать, фатальное стечение обстоятельств плюс элементарная невнимательность автора снимка, ретушеров, редакционных служб и, конечно, моя – главного редактора.

С раннего утра звонок по «кремлевскому» телефону тогдашнего зам. зав. Отделом пропаганды ЦК В. Севрука:

– Леонид Петрович (вместо обычного обращения «Леня»)! Вы (вместо обычного «ты») свою газету хотя бы время от времени читаете?

– Безусловно.

– Так что у вас там на столе лежит между Чебриковым и Терешковой?

– Графин.

– А рядом с ним?

Тут во мне разыгралась удаль. Я подумал: «Все равно ведь сегодня снимут с работы» – и брякнул:

– Да это носовой платок лежит.

– Ну вот что, – грозно сказал Севрук. – Сегодня по этому поводу в двенадцать ноль-ноль мы собираем в ЦК у товарища Зимянина всех главных редакторов, и мы вам скажем, что там у вас лежит на столе президиума.

Не успел повесить трубку, раздался звонок от секретаря ВЦСПС Л. Землянниковой:

– Как же так, Леонид Петрович? Ужасная ошибка. Сегодня в двенадцать ноль-ноль по этому поводу собирается президиум ВЦСПС. Извольте быть. Вы ведь еще и член президиума.

Президиум назначен на то же время, что и совещание в ЦК. Куда пойти? «Товарищ Зимянин, вы уже знаете о страшной ошибке в газете «Труд». Меня для разбора ошибки пригласили на два заседания одновременно на двенадцать часов дня. К вам, Михаил Васильевич, и на президиум ВЦСПС». Михаил Васильевич с облегчением вздохнул, чувствовалось, что он не хочет заниматься газетой профсоюзной по партийной линии, и сказал: «Идите на заседание ВЦСПС. Это же центральный орган профсоюзов». В отчаянии звоню в приемную Горбачева и прошу его помощника передать мои извинения Михаилу Сергеевичу, пытаюсь объяснить, что случилось все это конечно же не по злему умыслу, ошибка фоторепортера, то да се... Позже выяснится, что Горбачев высказался против моего увольнения, и об этом было немедленно сообщено в ВЦСПС.

Грозное начало обличительной речи председателя ВЦСПС С. Шалаева к концу неожиданно стало приобретать мажорные тона. Он вдруг заговорил о девятнадцатимиллионном тираже «Труда», о том, что «Труд» дает огромную прибыль, которой хватает, чтобы покрыть воровство в профсоюзах, что случившееся, конечно, заслуживает самого сурового наказания, но он предлагает ограничиться объявлением Кравченко строгого выговора.

Вот такая история. В тот же день помощник Горбачева рассказал мне, что генсек некоторое время в смятении разглядывал злополучную фотопанораму, а потом, рассмеявшись, попросил, чтобы Кравченко прислал ему на память десять экземпляров сенсационного номера с личным автографом.

— Ну надо же, не успел я проработать двух месяцев генсеком, как в «Труде» мне уже оторвали голову, — ехидно заметил Горбачев. Но тут же сказал, что Кравченко по партийной линии наказывать не надо. — А вот что до этих злополучных номеров «Труда», то в дальнейшем на высоких встречах с важными гостями я буду показывать эти номера и говорить: «Вот какой у нас уровень демократии. В другой стране этого главного редактора немедленно прогнали бы со своего поста грязной метлой. А вот у нас он продолжает работать».

В течение следующих трех месяцев во всех редакциях газет и на телевидении проходили собрания, на которых рассматривался печальный опыт «Труда» и лично Кравченко. Позже я понял: была сделана отсрочка до моего назначения на пост первого заместителя председателя Гостелерадио СССР.

Начиналась вторая «оттепель» после хрущевской. Теперь она уже войдет в историю как горбачевская.

Глава 7

Сергей Лапин

С того злополучного мая, когда я прошел через «чистилище» в связи с ужасной ошибкой, следующие три месяца в редакциях газет, на телевидении и радио, на партийных собраниях обсуждали в подробностях «исторический прокол» в «Труде».

Михаил Сергеевич Горбачев выжидал время, пока «уляжется пыль», как он выразился в разговоре со мной. Но уже 4 августа 1985 года я был представлен на коллегии Гостелерадио СССР в качестве первого заместителя председателя.

Короткий комментарий по этому поводу высказал председатель Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин: «Некоторые из сидящих в зале сегодня вспомнили, конечно, ошибку в «Труде». Но это не меняет сути дела. Я искренне рад возвращению на телевидение Леонида Петровича. Вы тоже его хорошо знаете. Так что в добрый час!»

Сергей Георгиевич крепко пожал мне руку и дружески похлопал по плечу.

На самом деле я нервничал и прекрасно понимал, что моему возвращению он вовсе не радуется. Как позже он признается, в моем назначении он увидел, что грядут большие перемены в Гостелерадио СССР, а сам он уже сходящая со сцены политическая фигура.

Для того чтобы сделать такой вывод, надо было хорошо знать Сергея Георгиевича. Это был, безусловно, человек сильной воли, твердых политических убеждений, огромной эрудиции. Имел огромный опыт международной политической деятельности, руководил ТАСС, был послом в Китае и Австрии, заместителем министра иностранных дел СССР, владел иностранными языками. К тому же последние пятнадцать лет он возглавлял Гостелерадио, провел несколько крупных реформ на телевидении и радио, сумел мощно укрепить материально-техническую базу телевидения и радио. Это при нем бурное развитие получило космическое телевидение, создание стройной системы «Орбита», развитие радиорелейных линий. Опять же благодаря его международному опыту быстро удалось наладить сотрудничество со странами, входящими в систему Интервидения и Евровидения.

Весь этот многолетний опыт (пятнадцать лет – это целая эпоха) он последовательно реализовал через многие творческие начинания. Он высоко ценил музыку и литературу на телевидении. Был инициатором создания многих талантливых многосерийных художественных и документальных фильмов. Он был заядлым театралом, и на советском телевидении появились десятки знаменитых театральных и телевизионных фильмов.

И вместе с тем у него был тяжелый, капризный характер. Редко мог кто-либо переубедить Сергея Георгиевича, если он уже принял для себя однозначное решение.

В политике Лапин последовательно отстаивал партийные позиции и в этом плане, как правило, был очень консервативен.

До прихода к руководству М.С. Горбачева Сергей Лапин имел твердую поддержку в высшем руководстве страны.

Вот что писал о Лапине известный журнал «Форбс» в начале 1986 года, когда Сергей Георгиевич покидал свой пост: «В политическом отношении Лапин представляет собой абсолютно надежного члена партии, которого можно отнести к сталинистам. В переговорах он был тверд, порой к нему трудно было подступиться. Он всегда был прекрасным профессионалом в своем деле, а следовательно, и крупной фигурой, вызывающей к себе уважение своим блестящим знанием дела. Он умел быть язвительным и своенравным, даже грубым, а потом с присущим ему шармом вновь завоевывать симпатии собеседника. Безусловно, это человек, с которым подчиненным и партнерам в переговорах приходилось нелегко».

От себя добавлю еще, что это был человек с высоким художественным вкусом. Он как магнитом притягивал к себе людей одаренных, талантливых и не терпел пошлости, примитивизма, дурновкусия. Признаюсь, если бы он был жив и руководил современным телевидением, то $\frac{3}{4}$ нынешних многосерийных фильмов и развлекательных программ никогда не появились бы на телеэкране. Но вот парадокс, он никогда бы не поддержал большинство тех новых телевизионных циклов программ, которые мне довелось вместе с моими коллегами создавать в годы горбачевской перестройки.

Позже, когда он уже ушел на пенсию, мы часто с ним виделись, поскольку жили в одном доме, общались, спорили. Но однажды Сергей Георгиевич сказал пророческую фразу: «Все то новое телевидение и современные СМИ, с таким энтузиазмом поддерживавшие политику гласности и демократизации и стремящиеся порушить старое, отречься от советских идеалов, советского опыта, в конечном счете под руководством Горбачева приведут страну к полной разрухе. – Потом он дружески похлопал меня по плечу и добавил: – К счастью, я уже не стану свидетелем этой разрухи – просто не доживу. А вот тебе не завидую: с твоим честным характером ты хлебнешь много горя...»

Многие из этих слов оказались пророческими.

...Но вернемся к 4 августа 1985 года. После представления меня Сергей Георгиевич позвал к себе в кабинет и организовал маленькие мужские посиделки. Оказывается, он на следующий день уходил в отпуск и решил воспользоваться двумя поводами: обмыть мою должность, а заодно свой отпуск.

Посидели вместе часок, и Сергей Георгиевич дал массу дельных советов. Я внимательно слушал его, а про себя, грешным делом, подумал: «Ну и хитер же ты, Сергей Георгиевич, по сути, бросаешь меня в огромную телевизионно-радийную топку, где в общей сложности работали в целом по стране 96 тысяч человек, 130 телерадиоцентров, два крупных предприятия, одно из которых, Останкинский телецентр, было крупнейшим в Европе». На нем трудилось более девяти тысяч человек. А еще в системе Гостелерадио имелось четыре крупных научных центра. Кроме телевидения и внутрисоюзного радио работала мощная структура – иновещание. Это двухтысячная армия творческих и технических сотрудников, обеспечивавшая круглосуточное вещание на 83 языках мира.

Вот такая махина легла сразу на мои плечи, ну что поделаешь: отпуск так отпуск! Я был в тот момент уверен, что Лапин не случайно сразу же бросил меня в «одинокое плавание». Мысли разные приходили, в том числе и такие: выдюжит – молодец, а если нет – обнаружится ошибка высшего руководства, готовящего Кравченко на смену Лапину.

Почти уверен, именно так и полагал Сергей Лапин. Но я не подвел ни его, ни себя.

Каждый день по составленному заранее графику у меня проходили встречи с крупными творческими коллективами – главредакциями. Это были мозговые атаки, выливавшиеся в трехчасовые открытые диспуты о настоящем и будущем телевидении. А главное, о том, что в нем немедленно надо изменить, какие новые циклы программ открыть, чтобы сменить «телевизионный» репертуар. В соответствии с духом времени и задуманной М.С. Горбачевым политической реформой гласности и демократизации.

На этих творческих встречах я предложил представить себе современное телевидение как бы с чистого листа.

Моим обещаниям тотального обновления программ мало кто верил тогда.

И тем не менее в ходе мозговых атак удалось предложить около семидесяти новых циклов программ. Самым принципиальным было решение перейти на открытое прямое вещание большинства общественно-политических передач. Это означало, что политическое вещание становится бесцензурным. Такое раньше и в дурном сне не могло присниться.

Начали с радикальных перемен в главной политической передаче «Время». Она отличалась славословием, пестрела цитатниками из разного рода приветственных телеграмм

и выступлений партийных вождей. В экономическом блоке постоянно звучали трескучие сообщения о производственных успехах, техника показывалась чаще, чем люди. Реального критического анализа положения дел в экономике просто не было.

Пришлось многое и быстро ломать. Мы при этом исходили из того, что программа «Время», как и все общественно-политическое вещание, должна ориентироваться на глубокий объективный анализ всех сторон нашей жизни. Публицистическое исследование фактов и явлений действительности должно вестись непременно заинтересованно, нешаблонно, если нужно – острокритически и бескомпромиссно, но при любых обстоятельствах оптимистично, конструктивно по духу и адекватно сути происходящего.

Я вообще уходил на телевидение со сложившимся представлением, что нужна смелая, острая, жесткая постановка вопросов, которая бы обеспечивала социальную защиту людей. А на телевидении что нашел?

Люди видели в нем средство развлечения, и никто не рассматривал ТВ как скорую социальную помощь, как средство защиты. Отчего? Да оттого, что на телевидении в то время не было серьезных передач с анализом экономических и социальных проблем, которые были бы рассчитаны на обеспечение защиты интересов различных социальных групп. Поэтому, когда в программе «Время» появились сюжеты такого свойства, это вызвало немедленный отклик телезрителей. Множество людей стали присылать свои письма с просьбами помочь, защитить, выехать на место, послать в командировку, снять какой-то сюжет. Это было приятно, это ожидалось.

Перестройка потребовала от тележурналистов страстной гражданской позиции, иначе злободневность и глубина темы могли оказаться обманчивыми. Что скрыто за поверхностностью факта, житейского случая, производственной ситуации, какие нравственные и социальные пружины определяют поступки людей? Как преодолеть инертность мышления? Пока, к сожалению, на телеэкране ощущалась поверхностная постановка этих проблем. Нужно было выйти на новый уровень телевизионной публицистики, разрабатывающей современную тему. Но вот беда: за долгие годы в сознании журналистов сложились устойчивые стереотипы, страх преодолеть внутренне выстроенный забор с трудом позволял определить, что можно и что нельзя, жесткая самоцензура сковывала творчество тележурналиста.

И вот когда в программе «Время» неожиданно для страны с первых минут появились острые социальные сюжеты из провинции о человеческих горестях: о неустроенности с жильем, низкой зарплате, плохом медицинском обслуживании, бюрократической волоките, несправедливом увольнении людей, административных злоупотреблениях зарвавшихся начальников – наступил даже какой-то шок. Спасибо Горбачеву, в этот момент он уберег и программу, и руководство телевидения от грубого давления сверху. Именно с непосредственным участием Горбачева в эти первые месяцы произошли серьезные эксперименты в программе «Время». Одно из первых его выступлений, с изложением собственного видения перестройки, демократизации в стране, прошло в Ленинграде. Причем все попытки договориться с Горбачевым о прямой трансляции его речи были безуспешны. И тогда мы пошли на опасный, рискованный вариант. Всего лишь на одну камеру удалось записать выступление генсека, при этом звук речи писался прямо с камеры. Поэтому получилась как бы подпольная несанкционированная запись выступления на телевидении Горбачева. Оно было, без всякого преувеличения, ярким, эмоциональным, острокритическим. По ходу речи была подвергнута критическому анализу и экономическая, и политическая, и международная политика прежнего руководства страны.

С огромным трудом нам удалось уговорить Михаила Сергеевича дать согласие на вечерний показ в полном объеме этого выступления. Показ в техническом плане был несовершенным, но по содержанию этот выход в эфир произвел колоссальное впечатление глубиной и откровенностью оценок, отсутствием всяких заготовленных текстов. Произошел

некий политический взрыв в обществе. А когда через неделю Горбачев выступил с еще одной такой яркой импровизированной речью в Минске и нам снова почти нелегально удалось показать ее в записи в рамках программы «Время», это был огромный успех уже обновленного ТВ.

Чуть позже вернувшийся из отпуска Сергей Георгиевич Лапин, оценив наш необычный эксперимент, лукаво посмотрев на меня, пошутил: «Леонид Петрович, не торопишься ли ты, мало ли какие кадровые перемены еще могут произойти... Как бы не пожалеть потом – так и партбилет потерять можно...»

Я успокоил его, признавшись, что сам очень перетрухнул. Но когда Горбачев одобрил, страсти улеглись. Но вот у меня возникли другие проблемы – куда посложнее. И рассказал Сергею Георгиевичу о своих мозговых атаках в главных редакциях. Вот, говорю, в моем блокноте набралось уже около 50 интересных предложений от тележурналистов. Предлагают очень интересные смелые проекты. «Может, рассмотрим на коллегии Госкомитета?» – предложил я Лапину, листая свой пухлый блокнот.

Не глядя на меня, он положил перед собой чистый лист бумаги и стал на нем рисовать чертиков. Все знали об этой его привычке. Знали, что он всякий раз так делает, если сильно нервничает. Потом поднял на меня глаза и, в свою очередь, спросил: «Может, пока из этих 50 проектов хотя бы один протолкнем через коллегую?»

Установилась тяжелая пауза, после чего, еще раз внимательно посмотрев на меня, он произнес: «Ладно, валяй! Судя по всему, твое время пришло. Думаю, что больше трех месяцев мне здесь поработать не дадут. Действуй, но без авантюры, и чаще советуйся!»

Глава 8

Живое телевидение – превыше всего

Вообще, телевидение обладает рядом природных качеств, которые было бы глупо не использовать. Кроме того, что оно имеет всеохватный, всепроникающий взор, оно обладает большой доверительностью: люди, работающие на экране, особенно дикторы, ведущие, становятся для любой семьи близкими знакомыми, почти родными. По их глазам, по их настроению угадывают, что у них сегодня случилось, отчего они расстроились. Значит, телевидение входит в каждый дом, в каждую семью и рассчитывает на доверительное восприятие. Это все в природе ТВ заложено. Телевидение также требует сиюминутности восприятия: зрителю всегда хочется быть, присутствовать в момент свершения события.

Как раз эти замечательные природные качества игнорировались. Например, живое телевидение, с которого все вообще начиналось, отсутствовало. Я обнаружил, что только пол процента от всего объема вещания идет в живом прямом эфире. Кроме некоторых спортивных передач, все шло в эфир в записи. Это было связано, конечно, с застойным периодом и боязнью смелых, неожиданных высказываний.

Поэтому одно из принципиальных направлений моей работы заключалось в том, чтобы вернуть телевидению его суть. Большинство новых рубрик рассчитано было на живое, непосредственное вещание.

Социальная проблематика довольно быстро заполонила и многие общественно-политические передачи. Появились студия «Публицист», «Сельский час», «Резонанс», «Разговор по существу», «Родительская суббота», «Ускорение», «Это вы можете» и др. Популярная тема самодеятельного технического творчества, новаторского поиска, новых изобретений стала содержанием специальных циклов программ.

Перестройка на телевидении потребовала практически полного обновления форм и методов работы. Поскольку в течение только 1985–1986 годов объем прямых живых передач возрос более чем в двадцать раз, возникла совершенно новая форма – дискуссии в прямом эфире по самым острым вопросам.

Колоссальный интерес вызывали передачи, в которых в прямом эфире встречались политики, деятели культуры, писатели. Они не только спорили друг с другом, но при этом отвечали и на вопросы телезрителей. Телевизионные круглые столы в прямом эфире с подключением вопросов телезрителей стали массовым явлением.

Ярким открытием новой телевизионной формы стали телемосты, благодаря которым в дискуссии участвовали телезрители, находящиеся в разных странах, разделенные тысячами километров суши и даже океанами. Для ведения телемостов я пригласил радиообозревателя Владимира Познера. Нередко помогал ему телевизионный комментатор Леонид Золотарский. Из иностранных тележурналистов наиболее яркой, колоритной фигурой оказался американец Фил Донахью.

С той поры прошло не так много времени, но современным мальчикам и девочкам, владеющим Интернетом, трудно представить, что в прямом эфире за международными теледискуссиями, затаив дыхание, следили сотни миллионов людей. Именно так было во время телемостов Москва – Вашингтон, Ленинград – Майнц, Киев – Кёльн, Ростов-на-Дону – Дортмунд, Москва – Токио, Волгоград – Кёльн. Телемосты не только сблизили тысячи граждан разных государств, но и подружили их. Только что пал «железный занавес». Мы мало знали друг о друге, мы привыкли быть врагами в холодной войне. Впервые в прямом эфире не высокие политики, а простые граждане смогли общаться, обсуждать волнующие их темы, узнавать друг друга. Мне вспоминается поистине взволновавшая всех встреча старых солдат

во время телемоста Волгоград – Кёльн. В ней принимали участие русские и немцы, которые сражались друг против друга за дом Павлова. Слава богу, они выжили, а познакомившись на передаче, и подружились, потом ездили в гости друг к другу семьями.

Вспоминается один из откликов – ленинградца Павла Мичкова. В своем письме он признался: «Мы даже не замечали раньше, что боязнь инакомыслия – это признание собственной несостоятельности. Телемосты – одна из первых ласточек преодоления этой боязни. И я полагаю, что выскажу мнение большинства телезрителей нашей страны: ласточка очень желанная».

В ходе телемостов участники дискуссий порой затрагивали самые деликатные, самые запретные темы. Нашей стороне приходилось отвечать на каверзные вопросы: «Почему вы вошли в Афганистан?», «Почему вторглись в свое время в Венгрию, а позднее в Чехословакию?», «Почему в СССР есть политические диссиденты?» – и даже рассуждать о проблемах секса в США и СССР.

Именно так случилось на телемосте, который связывал Ленинград с одним из американских городов, где не только тема секса или другие деликатные женские и мужские вопросы оказались в центре дискуссии.

Американские представители при согласовании сценарного плана телемоста попросили нас, чтобы они сами отобрали в студию ленинградского телевидения для дискуссии с американскими участниками телемоста тех, кого они сочтут нужным. Отбирали порой странным образом. Они уговаривали большей частью женщин в кафе, ресторанах, в парках, на улицах, в метро, в вузах, предлагая им принять участие в открытом живом телеэфире. Удалось уговорить даже нескольких ленинградских священнослужителей.

Причем всех, кто дал согласие участвовать в телемосте, американцы фотографировали. Объясняя это тем, что они затем персонально будут в ходе эфира представлять русских участников.

Чтобы не смущать таким экстравагантным предложением нашу творческую группу, американцы предложили такие же съемки с отбором участников с американской стороны сделать нашим представителям с оплатой поездки в США за счет американской телекомпании.

В чем на самом деле заключался секрет? Во-первых, с помощью фотографий, сделанных крупным планом, можно будет убедиться в том, что никаких профессиональных пропагандистов в студии с нашей стороны присутствовать не будет. И во-вторых, для американской аудитории это усиливало достоверность, что с русской стороны люди отобраны случайно самими американскими телевизионщиками. То есть это обычные ленинградцы, рискнувшие засветиться в необычной передаче.

Действительно, в ходе телемоста возникали горячие споры – и политические, и женские, и сугубо житейские. И вот в какой-то момент одна из американок спросила наших женщин: «А как у вас в России с проблемой секса?» На что бойкая учительница с нашей стороны, почти не задумываясь, ответила: «А у нас проблемы секса не существует».

Смех стоял невероятный – что в американской, что в нашей студии. Все отлично поняли друг друга. В том числе и то, что пропагандистски воспитанные в патриотическом духе наши женщины вообще никаких проблем ни в чем не испытывают, даже в сексе.

А поскольку это всем стало ясно, и возник этот всеобщий хохот. С тех пор даже появилась в нашем обществе крылатая фраза: «А у нас проблемы секса не существует».

В памяти сохранился и еще один телемост: Москва – Кёльн. В нем, разумеется, обсуждались главным образом отношения СССР и ФРГ. Немецкий вопрос повернулся в какой-то момент исключительно через предложение поскорее разрушить стену в Западном Берлине и немедленно приступить к воссоединению обеих Германий. Споры и аргументы были традиционными, как вдруг в самом конце передачи с немецкой стороны слово взяла потряса-

юще красивая белокурая немка. С первых фраз она буквально заорожила всех. Говорила страстно, образно, убедительно, призывая немедленно убрать с географической карты исторический реликт – стену в Западном Берлине. Прервать ее эмоциональный диалог было чрезвычайно трудно.

А тут надо иметь в виду, что при создании телемостов Министерством связи всегда заказывались междугородние технические каналы. Причем время начала и окончания заказанного эфира хронометрировалось до секунды. И получилось так, что заключительный монолог немки завершился за пятнадцать секунд до окончания телемоста. Наши участники – бывший председатель Общества дружбы СССР – Германия, генеральный директор ТАСС Сергей Лосев, политический обозреватель Гостелерадио СССР А. Жолквер и другие представители – едва успели разинуть рот и попрощаться с немецкими телезрителями, а вот контр-пропагандистского ответа дать уже не успели. А это – прокол!

Был демарш со стороны ГДР на высшем уровне. Я приглашен был для объяснений к М. Горбачеву. Попытался все растолковать и спросил Михаила Сергеевича: «Может, нам перейти на предварительную запись, отказаться от прямого эфира?» На что он жестко заметил: «От гласности отказываться не будем. Вам следует более тщательно готовить телемосты, предусматривать любые неожиданности и даже провокации».

Телемосты мы сохранили. Больше того, на высшем уровне было дано согласие на проведение телемостов с открытыми дискуссиями американских конгрессменов и членов Верховного Совета СССР. Здесь отбирались самые опытные и осведомленные парламентарии с нашей стороны. Разумеется, американцы тоже выставляли свои лучшие силы.

Начало этих телемостов было необычным – шесть утра по московскому времени. Это очень непривычно для нас. Но приходилось учитывать разницу часовых поясов – восемь часов между Москвой и Вашингтоном. У них – 22.00 вечером, у нас – 6.00 утром. Но зато это был прямой эфир. И вечером того же дня шел повтор на нашем телевидении, в котором были совсем незначительные изменения технического характера. Как говорится, по обоюдному согласию, подчищался лишь технический мусор, небольшие оговорки, технические помехи и т. и.

Телемосты велись несколько лет. А потом и вовсе исчезли, о чем можно только сожалеть. Но это произошло после краха горбачевской перестройки. А потом уже было не до телемостов. Хотя эта телевизионная форма и сейчас используется широко, но в другом формате. Как правило, в информационных телепрограммах с участием телекомментаторов по случаю тех или иных важных событий в момент их свершения.

Глава 9

Звезды телеэкрана

Многokратно доказано, что успех любой телевизионной программы в значительной степени зависит от таланта ее ведущего. Наиболее яркие примеры – программы «До и после полуночи» и «Телемосты», которые вели Владимир Молчанов и Владимир Познер.

Когда появилась программа «До и после полуночи», ее ведущий Владимир Молчанов быстро стал телевизионной звездой. Случилось так, что мне принадлежит приоритет открытия его как телевизионной личности, как телевизионного журналиста. Мы познакомились в самолете в дни драматических чернобыльских событий. 27 апреля 1986 года мы оказались в Нью-Йорке в составе делегации советских журналистов, которые должны были принять участие в дискуссии с американскими журналистами в Нью-Йоркском университете. Я – от Гостелерадио, а Молчанов работал тогда в АПН. С нами были Владимир Ломейко, руководитель пресс-службы МИДа, и Александр Бовин, политический обозреватель газеты «Известия». Крепкая была команда. Мы подружились. В связи с чернобыльской трагедией наши дискуссии в Нью-Йорке неожиданно превратились в многочисленные интервью. Нас просили дать разъяснения, комментарии по поводу случившегося. Но ни наше посольство в США, ни мы сами толком ничего не знали, а говорить что-то надо было. И я был поражен тому, какие чудеса изворотливости и находчивости продемонстрировали мои коллеги, в том числе и Володя Молчанов, чтобы не выглядеть профанами.

Когда мы возвращались из Нью-Йорка, Ломейко, который хорошо знал Молчанова по работе в АПН, многому научил его, порекомендовал Владимира для работы на телевидении. Так и сказал мне: «Не пожалеешь, стоит его взять к себе комментатором».

Я всерьез принялся за решение этой проблемы, потому что оно оказалось непростым. Тогда в Гостелерадио существовал довольно сомнительный принцип борьбы с семейственностью в подборе кадров. Ведь, что ни говори, а только в Москве работало в Гостелерадио 22 тысячи человек, а в стране в его системе – около 87 тысяч. Но тем не менее действовал неписанный закон, по которому нельзя было допустить, чтобы родственники оказались в одной организации, причем не важно, какая у тебя должность, ты можешь работать в гараже, а твоя жена или сестра, скажем, не может стать комментатором. И в этом случае проявился этот странный принцип. Выяснилось, что на телевидении работает сестра Владимира Молчанова, известный спортивный комментатор по теннису Анна Дмитриева. Это стало камнем преткновения. Начальник управления кадров Игорь Лобанов подчеркивал, что этот принцип чрезвычайно важен во все времена. Фактически же он нарушался бесконечное количество раз. Было много случаев, когда люди работали в одной редакции, на телевидении и радио, знакомились, влюблялись, справляли свадьбы, становились мужем и женой и продолжали работать в одном и том же отделе. На это закрывали глаза – не увольнять же их! И мне пришлось использовать запрещенный прием.

В те дни как раз проходил партийный актив Гостелерадио. Я был главным докладчиком. И вот, выступая, заговорил о поиске и приглашении на телевидение талантливых журналистов из газет, информационных агентств. Привел пример с Молчановым. И, обращаясь к Лобанову, спросил его:

– Вот вы, Игорь Дмитриевич, боретесь с семейственностью в Гостелерадио, не берете поэтому Молчанова. А разве правильно, что вы – начальник Главного управления кадров, а жена ваша стоит во главе юридического отдела Гостелерадио? Вот тут семейственность может иметь самые неприятные последствия.

Это сильно подействовало. Вопрос о приглашении Молчанова был мгновенно решен уже на следующий день. Как раз тогда мы размышляли о том, каким быть ТВ и радио в утренние и вечерние часы. И Владимиру Молчанову я доверил создание программы «До и после полуночи».

Большую роль в рождении этой программы сыграло несколько человек, в том числе Ольвар Какучая, который был тогда одним из руководителей информационной службы ТВ и в определенной степени оказался причастным к поискам новых форм утреннего и вечернего вещания. С относительно небольшим кругом лиц мы размышляли о том, какие это могут быть передачи, над их формой, структурой. Кстати, тут не обошлось и без участия Молодежной редакции, которую я подключил к созданию вечерней программы. Ее позднее назвали «Взгляд».

Передачу «До и после полуночи» стали вместе вести Владимир Молчанов и диктор Майя Сидорова. Это были лучшие времена для программы. Эта пара хорошо друг друга дополняла. Позднее Молчанов пригласил к себе в напарницы Ирину Зайцеву – тоже талантливую тележурналистку. Программа «До и после полуночи» выгодно отличалась своей новизной, была своеобразной, утонченной по своей стилистике. А интеллигентный ведущий, работающий в необычной манере, не навязывающий категорично свое мнение, а как бы доверительно делящийся с вами тем сокровенным, что затрагивает самые тонкие стороны вашей души, придал ей еще больший шарм и аромат. И диалог с умным, деликатным ведущим-собеседником, и красивая остроумная девушка рядом с ним, и интересные люди, приглашенные в передачу, – все это завораживало. В программе было множество новой информации, познавательной, неожиданной. В том числе занимательной научной, из жизни животных, воспроизведенной в картинках Книги рекордов Гиннесса. Были репортажи, нередко сенсационного характера, широко использовались сюжеты зарубежной телехроники. И эта программа стала одной из любимых в народе.

Позднее, в условиях политических противостояний, передача стала, к сожалению, политизироваться и терять свою изначальную привлекательность.

Нередко в этой программе появлялись люди, которые занимали изначально жесткую политическую позицию, и мне казалось, что это доставляет определенные неудобства самому Молчанову. Он всегда выглядел тоньше, интеллигентнее, умнее некоторых своих собеседников, которые напористо предлагали те или иные политические, очень субъективные оценки событий. И тем не менее мое уважение к этой программе, к Молчанову было настолько сильным, что я не позволял себе вмешиваться, давать Молчанову какие-либо советы и предостережения.

Лишь однажды критически отозвался о программе. Произошло это, когда в очередной передаче появился некий профессор Капустин, который был воспитан на партийной ниве, работал в Академии общественных наук и потом, сильно перекрасившись, стал выступать с довольно жестких конфронтационных позиций. И в передаче он изложил очень странную философию, в которой обосновывал «теорию трех расколов в русском народе» в XIX и XX веках. Третий раскол он назвал «расколом русского народа после октябрьского переворота», а именно расколом русских на коммунистов и некоммунистов. Он показал свою новую книгу, в которой излагал эту очень опасную теорию. В ней был заложен определенный экстремизм, разделяющий людей по политическим признакам и грозящий конфронтацией в обществе, кроме того, капустинская теория была просто несостоятельна с точки зрения научной аргументации.

Так вот, на одной из творческих летучек я обратился к Молчанову: «Володя, в твоём присутствии Капустин примерно в течение двадцати минут обосновывал некую теорию. Я удивился, что ты промолчал и не отреагировал на эту очень странную постановку вопроса. Вот перенесите его теорию на свой собственный коллектив. Попробуйте поделить всех на

русских и нерусских, а потом русских на истинных коммунистов и некоммунистов. Не знаю, как вы сможете после этого работать, но даю гарантию – коллектив расколется. А если эту теорию наложить на наше огромное общество, где 18 миллионов коммунистов? Тогда страшная трещина проляжет через все общество. Поэтому можно вести любые политические дискуссии, но обязательно с чувством гражданской ответственности».

После летучки ко мне подошел Владимир Молчанов и признался, что он просто постеснялся вступать в острую дискуссию с профессором.

Прошло полгода, и для меня стало полной неожиданностью, что Молчанов вдруг решил уйти с телевидения. Факт этот преподносился в некоторых средствах массовой информации как его недовольство «консервативной» позицией Кравченко. Хотя на самом деле все было гораздо проще. Молчанова пригласили на более заманчивую работу – независимым журналистом в «ТВ-Прогресс». Там и зарплата была значительно выше, чем в Гостелерадио, и перспективы заманчивее. Ему уже стало скучно работать в рамках программы «До и после полуночи», в команде, которая создавала передачу, возникла трещина. Уже не было тех трепетных отношений, которые связывали ведущих Молчанова и Зайцеву.

Позднее Владимир Молчанов создал яркие передачи на РЕН-ТВ и других каналах. Он постоянно подтверждал свой талант, но такого взлета, как в передаче «До и после полуночи», уже не случилось.

Еще одна яркая звезда – Владимир Владимирович Познер. К его широкой популярности и блестящей карьере я прямо причастен. Познер ведь давно работал в Гостелерадио, но знал его только ограниченный круг специалистов, профессионалов – сотрудников ино-вещания. Он выступал с комментариями на радио на зарубежные страны, был специалистом-американистом. Его неплохо знали радиослушатели-ангლოსаксы. На мой взгляд, там высоко ценились его репортажи, оперативные, объективные и достаточно точные оценки, политические прогнозы.

Но вот наступил такой момент, когда я решил пригласить Познера поработать на телевидении. Тогда мы начинали целую серию телевизионных мостов с американским телевидением, еще не предполагая, какое прекрасное будущее ожидает этот цикл передач. Поначалу он не хотел переходить на телевидение. Да и председатель Гостелерадио А. Аксенов отговаривал меня. «Ты знаешь, – убеждал меня Аксенов, – о Познере на иновещании говорят, что он антисоветчик». Но я настоял на своем и перевел Познера в Останкино, где самостоятельно нашел ему кабинет. И вскоре он стал одним из зачинателей, создателей целой серии телемостов.

За океаном у него нашелся прекрасный партнер Фил Донахью – один из популярнейших ведущих женских ток-шоу. Он умел вести на редкость динамичные, откровенные разговоры в женской аудитории, мастерски владел искусством общения. Фил виртуозно работал на полутонах, на недоговорах, на высоком уровне утонченного восприятия женской психологии, на умении там, где надо, сделать вовремя комплимент, где-то чуть-чуть усомниться, где-то использовать острую шутку. Познер оказался не только хорошим партнером, но профессионально нередко превосходил Фили Донахью. Их невозможно было оценить как-то механически. Оба чрезвычайно одаренные, но очень разные люди, работающие в манере, которая очень быстро привлекала к ним внимание миллионов телезрителей.

Темы затрагивались самые разные: от афганской войны, ситуации в Польше, вопросов веры до того, как строится супружеская жизнь, кто в семье главный – мужчина или женщина, обсуждались самые интимные стороны жизни, например супружеская измена, особенности секса. Помнится, что наша аудитория, поначалу немножко сдержанная, потом разговорилась, и наиболее яркими личностями оказались несколько священнослужителей с нашей стороны, которые говорили на высокие этические и нравственные темы.

Это была очень смелая программа. Познер продемонстрировал свои лучшие профессиональные качества, в том числе блестящее знание языка. Английским Владимир Владимирович владеет прекрасно и ни в чем не уступает американцам – он там долго прожил, кроме того, умеет мыслить по-американски. Это совсем другое, чем просто знать язык. Это значит знать психологию, быт, нравы, обычаи народа. Познер и наш гражданин, но и американский тоже. Он никогда не бывает категоричен в суждениях. В этом смысле он ртутный: мягкая, приветливая манера общения, улыбчивые глаза, взгляд, который многозначителен сам по себе, в нем всегда глубина и ирония, порой доходящая до сарказма. Фил Донахью в этом смысле составлял ему достойную пару. На экране постоянно сохранялся образ доброжелательного человека, которому веришь изначально. И ощущение доверия к этим людям никогда не покидало телезрителя.

Это огромное искусство – быть посредником между телезрителем и теми людьми, которых ты представляешь, с которыми ведешь диалог. Ни в коем случае не навязывать свою точку зрения, но постоянно держать нить разговора, вести коллективное исследование той или иной проблемы, искрометно дополняя друг друга короткими, лаконичными замечаниями, репликами, заставляя сталкиваться позиции и мнения, противоречивые оценки. В результате выходило, что и ты, зритель, становишься соучастником всего мыслительного процесса. Он втягивает тебя. Более того, в него втягиваются большие аудитории, по 250 человек с каждой стороны, причем это люди, которые никогда друг друга в глаза не видели и поначалу даже не доверяли друг другу. Но проходит передача, и они обнаруживают, что их оппоненты такие же люди, только другой национальности. Они как бы приехали друг к другу в гости и успели не только познакомиться, но даже понравиться, полюбить друг друга. Поэтому передачи нередко заканчивались действительными призывами приехать друг к другу в гости, обменом адресами и т. д. Этим трудным искусством телеведущего, не говоря о глубоких познаниях и широчайшей эрудиции, в совершенстве владеет Владимир Познер. Это не могло не сказаться на уровне телемостов.

Мне всегда нравилось в Познере умение в любых ситуациях сохранять чувство собственного достоинства и независимый взгляд на проблему, никогда не подлаживаться под аудиторию. Он не стремился откровенно нравиться кому-то, нравился как бы невзначай, каким-то десятым чувством находя ту грань, за которую нельзя переступать, где начинается самолюбование, самореклама, может, даже пошлость. На современном телевидении многие ведущие подчас не замечают ее, а подчас и намеренно эпатируют зрителей. Я рассказываю обо всем этом потому, что мои симпатии к Познеру остались неизменными, несмотря на то что некоторые взгляды, политические оценки у нас были и остаются разными.

Я благодарен Владимиру Познеру за серию других телемостов, за то, что он помог Донахью создать целый цикл программ о Советском Союзе, программ неожиданных, но всегда острых, глубоких, позволивших открыть Советский Союз для американцев. В Америке эти программы смотрело меньшее количество людей, чем у нас. У нас 120–140 миллионов телезрителей эти программы собирали всегда. Там – не больше 30–40 миллионов, потому что они шли по коммерческим сетям. Но тем не менее Америка хорошо узнала Познера как телевизионного человека.

Его стали часто звать для выступлений с лекциями. Он много кочевал по Америке, по различным аудиториям США. И там вел умную, тонкую работу, донося до американцев правду о нас, открывая Советский Союз, советский народ.

Появились и традиционные встречи общественности. Они проходили поочередно в США и в Советском Союзе. И там он был модератором. Как человек известный, помогал организовать эти встречи так, чтобы создавалась атмосфера доверия, открытости, честного обсуждения самых острых проблем. Конечно, было несовпадение точек зрения, но при этом люди не ссорились, а пытались находить общий язык.

Потом появились его знаменитые программы на московском канале «Встречи с Владимиром Познером». В них обсуждались самые неожиданные проблемы: от социально-бытовых городских до каких-то семейных, психологических. Всегда он был изобретателен, интересен.

Но наступил момент, когда и Познер объявил, что уходит с телевидения. Этому предшествовали события, во время которых мы не только еще раз смогли найти общий язык, а испытали друг к другу чувство огромного доверия.

Однажды ночью меня поднял по звонку из ЦК партии Евгений Примаков и позвал на работу. Я не знал, в чем дело, приехал на Пятницкую, было около двух часов ночи, и только здесь узнал о свершившемся. Оказывается, началась война в Персидском заливе. Американцы бомбили Багдад в ответ на то, что Ирак начал агрессию против Кувейта. Последствия войны, ход ее трудно было прогнозировать. Там были и наши интересы. Расстановка сил была сложная, мы Ираку долгое время помогали, множество наших специалистов в различных сферах трудились там. И жизнь этих специалистов не могла не волновать нас. Не говоря уже о многомиллиардном долге Ирака перед СССР.

Конечно, у этого события была политическая сторона. Все мы понимали, что влияние американцев в арабском мире, безусловно, резко усилится в случае их успеха в этой войне. Но беспокоило и простое человеческое чувство тревоги. Впервые мы почувствовали в эту ночь, я во всяком случае почувствовал, острейшее дыхание смерти: мирное небо разверзлось и угроза гибели нависла над целыми регионами. Война могла перекинуться на большие расстояния, стать масштабной, могли пострадать страны, находящиеся на значительном расстоянии от зоны конфликта. Времени на раздумья не оставалось, нужно было срочно организовывать вещание. То, что решение необходимо принять ночью, еще острее напоминало печальные времена, когда приходилось работать в условиях почти чрезвычайных.

Нужно было вызвать людей. Кого? В первую очередь тех, кто занимается программированием, работников информационных комплексов на ТВ и радио, на иновещании, подключать различных специалистов, чтобы они успели сориентироваться, перестроить утренние программы «Маяка» на радио, программы «120 минут» на телевидении. Самая большая сложность в том, чтобы срочно найти человека, который прекрасно владел бы английским языком и мог использовать зарубежные передачи, в частности американской компании Си-эн-эн, которые мы постоянно принимали на одном из каналов. Ее корреспонденты работали в это время в различных точках земного шара, в том числе вели репортажи из Багдада, Иерусалима, Саудовской Аравии, различных стран Европы и, конечно, США.

Первым человеком, к кому я обратился за помощью, на которого очень рассчитывал, был Познер. Я дозвонился до него ночью, извинился и объяснил, в чем дело. Мне не пришлось его долго уговаривать. Володя поднялся по тревоге, сказал, что машина у него есть. Я объяснил, что в Останкино нужно просматривать все передачи Си-эн-эн, отбирать наиболее существенные материалы и делать телевизионные экспресс-выпуски с нашим комментарием, которые должны выйти уже в 6.30 утра по московскому времени.

Познер сумел блестяще отработать все это время. Было несколько экспресс-выпусков телевизионных новостей. Они выходили в эфир через каждые час-полтора. Потом я слышал от некоторых омерзительные суждения, связанные с национальностью Познера. Он, по мнению своих недоброжелателей, опираясь на материалы Си-эн-эн, с открытой симпатией к Израилю и США оценивал ситуацию, которая сложилась в те часы на Ближнем Востоке. В частности, его комментарий относительно того, полетят ли иракские ракеты на Израиль или не полетят, был воспринят с таким подозрением. А Познер с определенной долей оптимизма рассуждал, что вряд ли Израиль будет подвергнут ракетному удару со стороны Ирака. Он работал на фактуре, которую предлагала Си-эн-эн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.